

ПИОНЕР

В П О Х О Д

Олег Бедарев

Встречайте солнечный восход —
Трубите, горны, сбор!
Мы далеко идём в поход,
В леса, к вершинам гор.

Наш дом — палатка над рекой, —
В рюкзак уложен дом.
Лесною узкою тропой
Опять вперёд идём.

Встречают нас зелёный бор,
Встревоженный с утра,
Весёлый птичий разговор
И тихий шопот трав.

В лесу найдёт звериный след
Умелый следопыт.
Откроем мы любой секрет,
Который лес хранит.

Богатства в недрах залегли:
Железо, нефть и газ, —
Но тайны вечные земли
Откроются для нас.

Встречайте солнечный восход —
Трубите, горны, сбор!
Мы далеко идём в поход,
В леса, к вершинам гор.

ПИСЬМО К ЮНЫМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Вит. Бянкин

Рис. В. Константинова

Дорогие путешественники!
Привет вам и доброго здоровья вашим многоуважаемым ногам!

ХВАЛА НОГАМ

Разве каждому путешественнику не нужны, прежде всего, здоровые ноги? И не просто здоровые, а ещё ловкие и выносливые ноги!

Можно изучить местность по книгам и картам, можно оглядеть её с самолёта, познакомиться с ней из окна поезда или автобуса, но если вы хотите узнать родную землю по-настоящему, близко и крепко, — отправляйтесь на «топтобусе», своими ногами пройдите по ней — по просёлочным дорогам, лесным, полевым тропам и совсем без дорог. Военная наука говорит, что местность не может считаться занятой, пока её не займёт пехота. Наши ноги — наша пехота. И каждый путешественник, открывая новые земли, должен ступить на них своими ногами.

ОТКРЫВАНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

В путешествиях по родному краю вам предстоит открывать новые земли.

Ступать только для вас новые, пусть только для самих себя открывать — это не должно вас смущать. Ведь сколько ни живёт на Земле человек, он, попадая в новые места, делает для себя всё новые и новые открытия. Путешествуя, он из года в год расширяет свой кругозор, приобретает новые знания, новый опыт.

Конечно, в хорошей, дружной компании интересные открытия делать куда легче, чем в одиночку. Тут, как и во всяком серьёзном, большом деле, необходима взаимопомощь. Поэтому очень советую вам, друзья, не откладывая в долгий ящик, сейчас же организовать у себя в пионеротряде Клуб путешественников.

В этом клубе путешественники по родному краю собираются, чтобы обмениваться опытом прежних своих походов и чтобы совместными усилиями хорошенько подготовиться к предстоящему путешествию.

Каждый из вас должен наперёд знать, куда он идёт и что там будет искать, чтобы не попасть в глупое положение, как попали в него два молодых охотничка, не подумавшие о том, что карта картой, а жизнь жизнью.

КОВАРНОЕ ОЗЕРО

Эти два молодые охотничка случайно встретили в городе на вокзале человека, увешанного дичью. Расспросили его и узнали, что он с озера Ямного, Мошенского района, Новгородской области. Охотник сообщил им, что на этом озере и уток густо и рыбы невпроворот.

Молодые охотнички решили непременно на будущее же лето попасть на это озеро. Отыскали его на подробной карте, записали себе маршрут, как туда попасть, и на

гом успокоились, стали снаряжаться. За зиму денег накопили, купили себе чучу охотничьих припасов, рыболовных снастей, даже лодку — складную, резиновую. И соли десять килограммов припасли: дичь, рыбу солить.

Дождлись 5 августа, дня открытия летней охоты, и отправились в путешествие.

От станции до озера Ямного двадцать пять километров шагать — и всё лесом. Еле доплыли с тяжеленным своим грузом до деревни Берег, что на карте значится у самого озера. А озера-то и нет: луг перед деревней.

По лугу старик-колхозник едет с возом сена.

Охотники к нему:

— Где же у вас тут озеро Ямное?

— Ямное? — удивился старик. — Да ведь это оно и есть — Ямное.

— Вода-то, вода где? Утки? Рыба?

— Эх, чего хватились! Вода тут летось была, а нынче её и в помине нет. Вишь, травы тутотка поднялись какие. Какая уж тут нынче рыба — утки! Не спросаясь броду, не соваться бы вам в воду.

И старик был прав: ведь целый год был у охотничков на подготовку к путешествию в край, им неведомый. Могли книжки почитать, бывалых людей расспросить — и узнали бы, что в том краю много уходящих озёр. Уйдёт вода подземной норой в другое озеро — и сухо. И рыба с водой ушла, и дичь разлетелась. Одно озеро каждый год уходит и приходит в своё время, другое — через два года, а есть такие, что и неизвестно, когда уйдёт, когда назад придёт. Такое вот капризное и Ямное озеро, — то уходит, то снова возвращается.

Сама природа тут посмеялась над нерадивыми путешественниками.

КАРТА В ДВИЖЕНИИ

По всей стране у нас идёт стройка.

Взглянешь на карту, и кажется, что вся она в движении.

Растут, как грибы, новые посёлки, заводы, целые города в местах, недавно ещё глухих и безлюдных. В одну зиму падают подпилённые под корень целые участки леса, а следующим летом на их месте, обработанном тракторами, уже поднимается хлеб или новый, сажённый человеком лесок. Пролегают по целине новые каменные и железные дороги. Волей человека осушаются непроходимые прежде болота, меняют русла реки, возникают моря и озёра, плотины и шлюзы, электростанции, дамбы, глубочайшие шахты и метеостанции на высочайших горах. Опромыные наши пароходы спокойно ходят там, куда раньше проникали одни отчаянные смельчаки. Быстрые наши самолёты проносятся над густой, как звериная шерсть, тайгой, над мёртвыми пустынями, над недоступными ледяными полями без конца и без края. И стёрты с карты нашей шестой части земного шара последние белые пятна.

Попробуй-ка попутешествуй по такой стране, не собрав самых свежих сведений о тех местах, куда собираешься!

Зато не надо теперь путешественнику отправляться за тридевять земель, в тридцатое царство, в поисках нового, ещё никем нигде не виданного: оно у нас под боком, и каждый может дойти до него пешком.

Не нужен нашим путешественникам чудесный ковёр-самолёт. Надо им только уметь видеть и уметь смотреть.

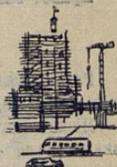
УЧИТЕСЬ ВИДЕТЬ

Знаете ли вы, друзья, как легко разучиться смотреть?

Стоит только привыкнуть видеть — и готово: разучился смотреть.

Помните, у Чехова один человек каждый день видел у себя перед носом вывеску: «Большой выбор сигов» — и так разучился на неё смотреть — всякий раз только скользил по ней взглядом, — что лишь случайно обнаружил свою ошибку. На вывеске значилось совсем не «Большой выбор сигов», а «Большой выбор сигар».

А ему и в голову не приходило, что как же это может быть: на табачном магазине и вдруг рыбная вывеска?

В первый раз человек плохо посмотрит, прочтёт неправильно — не заметит этого и успокоится. А дальше уж видит не то, что там есть, а то, что он вообразил себе, будто там должно быть.

В такие ловушки мы попадаем часто, гораздо чаще, чем думаем. И сами того не замечаем. Привыкнув видеть, разучаемся смотреть, присматриваться; привыкнув слышать, разучаемся прислушиваться. И так со всеми нашими чувствами. Как только привыкнем к чему-нибудь, так и разучимся замечать и перестанем думать об этом.

Другое дело, когда первый раз попадётся в незнакомое место: тут на всё со вниманием смотришь, ко всему приглядываешься. Тут все твои чувства в полную силу работают: зрение, слух, осязание, нюх. Замечали вы, что даже у привычной еды на новом месте вкус другой?

В новой местности всё кажется ярче, интереснее, а многое выглядит прямо загадочным.

Сказать правду, так оно и есть. Без конца вокруг нас загадки, всё всегда новое, всё дышит тайной, — только мы, привыкнув, этого не замечаем.

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Часто спорят: можно доверять первому впечатлению или нет? Одни уверяют, что первое впечатление их никогда не обманывает, другие — что оно всегда обманчиво.

Может быть, тут обе стороны правы: для одних так, для других наоборот. Правильному, это зависит от природы человека.

Одно несомненно: первые впечатления — самые яркие. И каждый путешественник, отправляясь открывать для себя новые земли, должен постараться хорошенько запомнить свои первые впечатления от того, что увидит и услышит нового. Лучше всего сейчас же записать их в свой путевой дневник. Записать всё, что покажется удивительным, загадочным, таинственным.

А потом постараться самому, без чужой помощи, разгадать все свои вопросы.

Тогда-то вот ты и сделаешь настоящие открытия.

В прошлом году я познакомился с одним отрядом юных путешественников после их летнего похода.

Восемнадцать человек подряд рассказали я, каждого в особицу, что видели они в местах, где были в первый раз. И все подряд, как по-писаному, подробно описали свой маршрут, все свои переходы с точностью до полкилометра; новостройку, которую они осматривали — электростанцию, выстроенную в лесу между двух запруженных озёр; лес, который они проходили.

Первого из рассказчиков я слушал с большим интересом: новостройка эта остроумна — новое, неожиданное достижение: лес меня всякий интересует; подробностей их маршрута не было на моей карте тех мест. Но скоро меня одолела смертельная скука: все говорили точь-в-точь то же, приводили те же подробности. Я зевал и думал: как же это получилось, что восемнадцать человек видели совершенно одно и то же и рассказывают одинаково и теми же словами, — будто у них на всех одна пара глаз и один язык? Неужели ни один из них не увидел за всё путешествие ещё что-нибудь, кроме того, на что обращала их внимание, что объясняла им учительница? Пожалуй, думал я, не стоило им и время тратить на такой поход, понапрасну ножки бить. Одного туза послали бы, он бы всё и рассказал.

И вдруг девятнадцатая участница похода, младшая из всех — путешественница с мышиными хвостиками вместо кос, — говорит, захлёбываясь:

— А лес там совсем, как в сказке об Иване-царевиче и сером волке, а в том лесу — белые телефонные столбы. На столбе белочка сидит. Рыженькая, с пушистым хвостиком. Рассердилась на нас, зачем мы к ней в лес пришли, закричала на нас: «Пок, пок, пок!» — и лапками затопала. А потом испугалась и побежала по проводу — ловко так! — до другого столба, а с того столба — скок! — на ёлку и пропала. А дальше в лесу лесничка избушка, и там телефон, и ночью свет горит электрический, а за лесом волки выли, — ух, как страшно!

Все засмеялись и учительница тоже, а я прямо чуть не расцеловал этого путешественника с мышиными хвостиками: вот кто настоящее-то открытие сделал! Вот это на всю жизнь теперь запомнит, как зажглась электрическая лампочка в глухом

лесу, как белка, точно канатоходец в цирке, пробежала по телефонному проводу, а за лесом были волки. И, может быть, через много лет, когда на этом месте — кто знает? — будет целый город, расскажет своим внукам про эту бечовку и про волчий жуткий вой, которого её внукам слышать уж не придётся, потому что уничтожим мы к тому времени этих страшных зверей, как уничтожаем злую крапиву в наших садах.

Эта маленькая путешественница по-настоящему открыла для себя новую землю, где древняя сказка переплелась с рассказом о новейшей электростанции, — нашу советскую новую землю.

НА ЧТО И КАК СМОТРЕТЬ

В Клубе путешественников не только заранее распределяются должности — начальника похода, завхоза, разведчиков — и порядок дежурств, но и роли: кому на что смотреть специально, на что кому обращать главное внимание. Тут и агрономы, и историки, и геологи, и ботаники, и зоологи. Кто жуков, бабочек ловит, кто растения собирает, кто птиц наблюдает. После возвращения из похода все эти отдельные наблюдения, все специальные открытия подытоживаются, — и так получается общая картина местности.

Когда попадаешь в новую местность, часто не знаешь, па что и смотреть: всё интересно — и глаза разбегаются.

Вот попадаю я, скажем, в лес после города. Все чувства мои напряжены: чувствую сразу все лесные запахи, мягкий ковёр мха под ногами, вижу неисчислимую толпу деревьев, слышу шелесты, шорохи и пелый хор птиц. В это время мне, как говорят у нас в парке, из-за лесу деревья не видать.

Только привыкнув к новой обстановке, начинаю отличать отдельные запахи: запах прелого листа, растворённой в воздухе смолы, болиголова и других цветов. В общем хоре постепенно различаю всё больше голосов отдельных птиц. И замечаю отдельные лесины: какую-нибудь особенно высокую ель, розёбстую свою вершину над всей толпой деревьев; сосну с прихотливо изогнутым стволом; маленькую осинку с огромными листьями-лопухами. И если спервоначалу виделся мне только «тёмный лес — богатый-Бова», то чем дальше присматриваешься, тем яснее различаешь лицо каждого дерева, каждого куста, каждого говорливого ручья, молчаливого, обросшего мхом камня. Смотришь — и на дереве лист на лист не приходится. Точно глаза тебе кто поменял, теперь мне из-за деревьев лесу не видать.

Как же смотреть правильно: сразу на весь лес или на отдельные деревья?

И так и так.

Когда рассмотришь подробности, обернись и опять охвати всю картину в целом.

Вспомни, что вот эта приметная сосна потому так и исгнулась стволом, что в лесу живёт, в древесной тесноте. Пойми, что этот вот зверь или эта птица тут бы не жили, если б не этот, не такой, а другой какой-нибудь был тут лес. Рассмотрю большое в малом и малое в большом.

Тогда многое тебе откроется, много разрешишь непонятных загадок.

НЕСКОЛЬКО СПЕЦИАЛЬНЫХ СОВЕТОВ

За долгую жизнь порядочно мне пришлось попутешествовать по родной земле. И вот хочется поделиться с вами, друзья, своим опытом, дать несколько советов, которые, может быть, пригодятся вам в путешествиях по родным краям. По своей части, конечно. А моя часть — лесная, зверино-птичья, наблюдение живой природы. Птицы и звери живут от человека скрытно, и тут нужна осторожка, чтобы с ними познакомиться. Иначе многие из них останутся для нас невидимками и неслышимками.

Прежде всего надо постараться самому стать для них невидимкой и неслышимкой.

В твоей одежде не должно быть ничего яркого, бросающегося в глаза. В лесу, в поле, на воде особенно заметны белый и чёрный цвета.

Первым делом старайся не пошуметь птицу или зверя. Не кричи, не разговаривай громко с товарищами. Лучше всего придумать несколько условных сигналов свистом — под разных птиц. Я, например, переговариваюсь так в лесу со своими сыновьями и с товарищами по охоте, мы отлично понимаем друг друга, а звери и птицы не обращают на наш «разговор на птичьем языке» никакого внимания. Условные

свисты у нас: «Стой, внимание!», «Иди сюда!», «Человек», «Зверь», «Птица» (дичь), «Спрячься». И просто — в два синичьих тона — перекличка, чтобы не потерять друг друга в лесу. Этим семи сигналам нам вполне хватает на все случаи.

Помни, что в лесу, в чаще главное — уши. У лесных зверей и птиц очень тонкий слух, и уши первыми докладывают им о твоём приближении. Учись ходить по лесу бесшумно.

У зверей ещё замечательный нюх, такое чуткое чутьё, какого мы себе часто и представить не можем. Охотники говорят: «Медведь глазам не верит». И верно: он подслеповат. Носом, однако, он зачует тебя на большом расстоянии. Поэтому, когда подходишь к зверю, чтобы рассмотреть его поближе, всегда учитывай ветер; подходи против ветра.

На открытых местах главное — глаза. Все птицы и звери открытых мест замечательно дальновзорки. Подкрадывайся к ним осторожно, маскируйся как только можешь. И — главное — не делай резких движений. Всё движущееся сейчас же привлекает внимание животных, особенно всё порывисто, быстро движущееся и к ним приближающееся. Неподвижное, наоборот, успокаивает. Если ты привлёк внимание зверя или птицы, — замри. И пусть будет тебе неудобно, пусть хоть комары тебя едят, терпи. Убедившись, что подозрительный предмет не шевелится, птицы и звери успокоятся и примутся за свои прерванные занятия.

Учись узнавать тревожные крики животных, особенно птиц. Стоит только затрещать дроздам, сороке или крошечному подкореннику, как все звери и птицы всполошатся — дав сигнал тревоги! — и легко тебя обнаружат.

Учись подражать крикам птиц и зверей. Подражая их призывным крикам, ты можешь подманить к себе очень близко и рассматривать таких птиц-невидимок, как золотая иволга, кукушка, коростель-дергач, болотная курочка, многие кулики, рябчик. Зверь тоже чувствует себя спокойно, когда слышит призывный крик знакомой ему птицы (а это ты свистишь!), и подпускает близко.

Близ водопою зверей, на местах птичьих жировок (где кормятся) устрой себе шалашик из того материала, что в изобилии имеется кругом: в лесу и кустах — из веток, на берегу — из сухой тины, песка, тростника или камыша. Из такой засады, будучи совершенно невидимым, часто удаётся наблюдать много замечательно интересных сцен из жизни таких птиц и зверей, каких иначе ты просто никогда бы и не увидел.

Всегда в путешествии имей при себе записную книжку, перочинный ножик и простой графитный карандаш: попадёшь под дождь — и всё написанное чернилами или анилиновым карандашом расплывётся и смажется.

Всё, что удаётся увидеть, услышать интересное, записывай тут же на месте — иначе забудешь подробности.

Что ещё надо иметь при себе в путешествии?

На это могу ответить старинным правилом: никогда не бери с собой того, что может пригодиться тебе в дальней дороге. Бери только то, без чего не можешь обойтись.

Рассказы юных путешественников

Весеннее солнце манит на улицу. Скоро снова в поход! Степными и лесными дорогами, крутыми горными тропами отправятся юные путешественники в поход по родной стране. И снова, как страницы чудесной книги, раскроются перед ними просторы нашей Родины, с её неисчислимыми богатствами и легендарным прошлым. с её кипучей жизнью и созидательным трудом советских людей.

Больше трёх миллионов пионеров и школьников нашей страны путешествовало в прошлом году. В январе этого года в Москве состоялся Всесоюзный слёт юных путешественников, и ребята рассказали о результатах своих походов. Здесь мы печатаем рассказы и отрывки из дневников некоторых участников слёта.

По следам великой битвы

Мы идём тропинкой через поля колхоза «Чёрвона зирка». Вокруг шумят колосья ржи, ячменя, пшеницы, звенит «пид-пидам» перелесов. Мы идём по тем местам, где Советская Армия разгромила десять фашистских дивизий и одну танковую бригаду. Здесь был знаменитый Корсунь-Шевченковский котёл.

Вдали блещит и извивается река Рось. На ней до войны была гидроэлектростанция, которая снабжала энергией четыре района. Немцы разрушили эту станцию. Но рабочие и колхозники выстроили новую, и воды Роси снова движут две турбины, ещё более мощные, чем до войны.

В селе Стеблеве мы сделали остановку. Здесь живёт сестра Героя Советского Союза Павлика Янчевского. Мы разыскали её и попросили рассказать нам о Павлике.

Павлику ещё не было семнадцати лет, когда немцы заняли его родное село. Павлик всей душой ненавидел захватчиков и сразу стал вести беспощадную борьбу с ними. Он подобрал надёжных товарищей и вместе с ними стал добывать оружие. Из села Таганчи, тоже занятого немцами, Павлик, рискуя жизнью, принёс радиоприёмник и установил его на чердаке. Каждый день он и его товарищи слушали по радио сообщения с фронта, а потом писали листовки и распространяли их среди населения.

Так под боком у немцев Павлик проработал два года, а в июле 1943 года его высладили в геологический лагерь. Когда Павлика уводили из дома, он

сказал своим родителям: «Не горюйте, папа и мама, если я погибну, то с честью».

Он умер от пыток, но не выдал своих товарищей и ничего не рассказывал о подпольной работе.

Когда наша армия освободила Корсунцину, тело Павлика из Стеблева перевезли в наш город и похоронили в братской могиле.

Из Стеблева мы идём в Шендеровку. По этому пути в панике отступали немцы. Следы их бегства видны и до сих пор. Везде ещё попадаются части разбитых танков и автомашин. У моста через Рось нам показали место, где при отступлении утонул подбитый немецкий танк. В самой Шендеровке обломков немецкой техники ещё больше. Почти в каждом дворе мы видели немецкие каски. Шендеровские хозяйки устроили из них поилки для кур и гусей.

Местный житель, семидесятилетний дед Кадола, рассказал нам, как в феврале 1944 года отступали немцы. Из Шендеровки они уходили в сторону Хилек и Комаровки. Дальше идти некуда: кругом были наши войска, здесь соединилось кольцо окружения Корсунь-Шевченковского котла. Настал страшный для немцев день: наши самолёты сделали разведку, и началось наступление советских войск. Немцы заматался по селу. А в хате деда Кадолы заперлись тридцать два эсэсовца и устроили засаду. Дода они заставили воду носить для пулемётов. Всюду рвутся снаряды, пули визжат, и по улицам наши уже преследуют удирающих фрицев. Только из хаты Кадолы строчат пулемёты и мешают провигаться нашим бойцам. Тогда дед разыскал советского командира. Подошёл к нему и сказал про фаши-

стов, засевших в его хате. Командир взял автоматчиков и пошёл за дедом. Пробрались к хате задом. Дед подошёл к двери и говорит: «Паны, вода». Немцы открыли дверь, а наши автоматчики вбежали и всех перебили.

Поблагодарив деда Кадолу за рассказ, мы отправились в село Комаровку.

Вот и Комаровка. Останавливаемся у братской могилы бойцов и командиров, погибших в борьбе с немцами за это село. Мы преклоняем колени перед могилой наших освободителей.

С председателем колхоза мы пошли к окраине

села, где стояли два подбитых танка. Мы взлезли на один танк и внимательно стали слушать рассказ о том, как Красная Армия разгромила немецкие войска под Комаровкой. Это был последний бой на Корсунщине.

На обратном пути из Комаровки мы прошли около знаменитого холма — последнего рубежа немцев под Корсунщиной. Здесь они побросали всё и сдались нашим войскам.

Р. Одокиенко

Город Корсунь-Шевченковский.

К истокам реки Кашинки

У нас, в городе Кашине, протекает довольно широкая речка Кашинка. Но откуда она берёт начало? Этого никто не знает. И вот мы, пионеры Кашинского детского дома, решили совершить поход к истокам реки Кашинки. Мы долго готовились к походу, ходили в тренировочные небольшие экскурсии, учились изготовлять походное снаряжение.

Наконец всё было готово. 10 июля, после завтрака, в полном походном снаряжении мы выстроились на линейку во главе с командиром отряда Павликом Дёмкиным.

Начальник похода Всеволод Васильевич в последний раз проверял участников путешествия и отдал команду к выходу.

По извилистой тропинке мы пробираемся по правому берегу Кашинки среди густой травы залитых лугов. Наши шляпы, вещевые мешки за спинами, алые пионерские галстуки то показываются на высоком бугре, то исчезают в тенистом, заросшем густым ольшаником овраге.

У села Константиновского мы остановились. Здесь наш первый большой привал. Пока готовился обед, Павлик Дёмкин и Миша Уточкин провели гидрологические наблюдения. Я сделал записи и зарисовки в путевом дневнике, а Витя Скрылёв наловил удочкой рыбы в реке. Усевшись вокруг костра, мы с аппетитом поели свежей

ухи и каши и напились парного молока. Отдохнув, мы отправились снова в путь.

На четвёртый день нашего путешествия мы прибыли в село Далеки, Несовгёрского района. «Вот здесь-то и берёт начало речка Кашинка, в нашем Фокином болоте, — сказал нам один местный старожил. — До вас ещё никто не приходил изучать нашу речку».

Ободренные близостью цели нашего путешествия, мы поспешили на Фокино болото.

Болото начинается в шестистах метрах от села Далеки, в низине, окаймлённой с севера и юга пологими склонами, покрытыми еловым лесом. Где же наша речка? И вдруг здесь, среди густой болотной растительности, мы замечаем ручей. Не верится, что это наша Кашинка: ведь у нас в городе она широкая, не каждый может её переплыть, а тут едва заметный ручей!

Здесь, в ста метрах от истока реки, мы разбираем свой походный лагерь. Это наш последний ночной привал. Здесь же, у костра, мы подвели итоги нашего похода. Миша Уточкин показал нам свои находки. На берегу Кашинки он нашёл остатки Юрского периода: аммониты и спиральные раковины. Ботаники собрали до ста видов растений береговой и водной флоры реки. Топографы наметили карту верховья реки и схему маршрута, занесли на неё все встреченные в пути изменения. Гидрологи за время похода сделали

пятнадцать записей в своих дневниках; зоологи собрали коллекцию насекомых и составили описание рыб, живущих в реке Кашинке. Я закончил здесь третий номер нашей походной газеты «По родному краю».

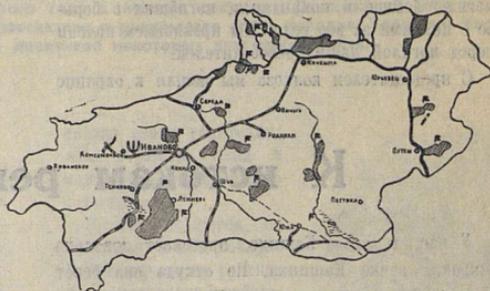
...Догорает костёр, а перед глазами пройден-

ный путь. Мы отправляемся обратно в наш любимый детский дом. Как много интересного мы расскажем ребятам о нашем походе!

г. Кашин,
Калининская обл.,
детский дом.

Петя Алейников

Эту карту прислали юные ботаники города Иванова. Прошлым летом ребята обошли всю свою область. Во время походов они обнаружили много ценных лекарственных, кормовых и технических растений. Те места, где найдены заросли этих растений, отмечены на карте.

В царстве минералов

Не так давно Хибинь были глухим, неизведанным уголком нашего Севера. Редко раздавался здесь голос человека. Ничто не нарушало суровой тишины полярной тундры. «Край мглы, край непуганых птиц», — так говорили об этих местах раньше. Но в 1929 году в Хибинских горах впервые застучал молоток геолога и был найден чудесный минерал — апатит, а за ним десятки других, не менее ценных находок. Суровый край, скалистый и неприветливый, стал заселяться строителями, а через три года в глухой тундре выросли рабочие посёлки, были построены шахты и заводы. На берегу озера Большой Вудъявр вырос огромный город Кировск, центр всего Кольского полуострова.

В этот необыкновенно интересный и мало известный край отправилась наша экспедиция. В душе у каждого из нас была заветная мечта — открыть такой минерал, который ещё не известен учёным. Поэтому мы долго и серьёзно готовились: перечитали много книг по минералогии, а во время экспедиции вели дневники и так называемые «полевые книжки», куда записывали свои наблюдения.

Мы остановились лагерем в долине реки Лаперской, у подножья горы Юкспор. Уже на следующий день мы поднялись на её вершину. Узкой тропинкой мы добрались до верха, осмотрели метеорологическую станцию и затем направились к Старому руднику. Вдруг Оля Максимова заметила, что по склону горы катится

какой-то серёнький комочек. Когда комочек приблизился, мы увидели, что это зайчонок. С перепугу он сначала бросился нам под ноги, а потом встал на задние лапки и прижался к серому камню. Если бы мы не видели зайчишку раньше, то теперь, пожалуй, и не нашли бы, — так цвет его шерсти подходил к окружающим камням. Оля взяла дрожащего зайчонка на руки, а Геня Соколов фотографировал его. Потом отпустили зайчонка, и он, кувыркаясь, удрал.

Мы пошли дальше. Путь был трудным. Огромные валуны часто преграждали нам дорогу, скалистые галереи создавали сложные, путанные переходы. Чтобы не заблудиться, мы часто останавливались и отмечали на карте пройденные участки. На высоте двухсот метров мы наткнулись на морену, запрудившую озеро Малый Вудъявр. Тут же увидели небольшую быструю речушку. Стали искать её на карте, но так и не нашли.

— Ура, мы открыли неизвестную речку! — крикнул Саша Гольдберг и предложил назвать её в честь нашего родного города — Ленинградской.

Это название всем понравилось, и новая река была нанесена на карту. Пройдя немного вправо, мы встретили ещё одну реку. Зоя Иванова решила, что это тоже неизвестная река, и приготовилась отметить её на карте. Но наш руководитель Иннокентий Константинович разочаровал нас. Он сказал, что, наоборот, река Ворбекуай очень известная: здесь был найден первый апатит.

В этот день нам очень повезло. Мы обнаружили пегматитовую жилу с вишнево-красными энколитами. Они резко выделялись на снежнобелом полевом шпате.

— Это хибинские рубины! — радовались мы.

На следующий день Геня Соколов нашёл прекрасные образцы содалита. Юра Селиверстов в скале над штольней обнаружил жилу белого нитрата с огромными кристаллами и выходы минерала, похожего на юкспорит. Мы решили набрать образцов, чтобы в Ленинграде определить, какой же это минерал. Саше Гольдбергу повезло открыть мощную сульфидную жилу, а сульфиды в Хибинах встречаются очень редко. Вообще Саша был самым удачливым. Он давно увлекается минералогией, много читает об этом и больше нас знает...

Побывали мы на горе Кругозор. Величественную картину мы увидели оттуда. Внизу расстилается большое озеро, видны юго-западный отрог Юкспора и гора, где разбит наш лагерь. На юг от нас раскинулся Кировск с фабриками и новой электростанцией. Шахты и рудники прорезают горные скалы, ленточкой вьётся шоссеяная дорога. Всюду виден труд человека, чувствуется кипучая жизнь. Мы не могли оторвать глаз от этого чудесного зрелища и долго любовались им...

Больше месяца мы пробыли в экспедиции. Новых и больших открытий мы не сделали, но ис-

пытали настоящую жизнь геологов, познали все их невзгоды и радости. Мы собрали коллекцию редких минералов. В ней больше трёхсот различных образцов, которых нет не только в школах, но и во многих институтах Ленинграда. Но самое большое, что мы вынесли из экспедиции, — это восхищение природными богатствами родного Севера и советскими людьми,

Мы разбили палатки у подножья горы Юкспор и отсюда ходили на разведки.

превратившими дикую тундру в культурный промышленный район.

Павел Яковлев, Боря Дуданов.

Ленинград.

По Керженцу

Природа Горьковской области очень разнообразна. Север её славится реками и дремучими таёжными лесами. Особенно много мы слышали и читали о замечательной реке Керженец с её величественным лесом по берегам. И нам захотелось побывать в тайге, о которой так интересно рассказывают в своих книгах писатели Мельников-Печерский, Горький, Короленко и Костылёв.

Мы долго готовились к путешествию и, наконец, утром 6 июля выехали в город Семёнов. Отсюда начался наш поход.

Мы хорошо продумали, что нужно взять с собой. У нас не было ничего лишнего, и всё-таки груза на тридцать человек набралось порядочно. С нами были четыре палатки, две пилы, два фотоаппарата, рыболовные принадлежности, топоры, посуда, молоток, гвозди, аптечка, папки для гербариев, верёвки и многое другое. В восьмидесятиметровом переходе от Семёнова до Ввоза всё это нам пришлось нести на себе.

И вот мы у Керженца, в старинном селе Ввозе. Село это издавна славится мастерами-лодочника-

За деревней Хохалы лес стеной подходит к реке.

ми. Здесь мы познакомились со старейшим лодочником Николаем Порфирьевичем Пялковым. По его совету мы построили очень хорошие плоты: лёгкие и в то же время способные удержать тяжёлый груз. Мы их сделали из брёвен длиной в четыре—пять метров, связанных скрученными тальниковыми прутьями. Через два дня мы спустили плоты на воду и, чтобы проверить, как они идут, два километра плыли все на одном плоту. Крепкими оказались наши плоты!

Первую ночь в тайге никто не спал: слишком необычен был ночлег в глухом лесу. Мы сидели у костра и вспоминали легенды о Керженце, о его дремучих лесах. А утром, наверное, многие из нас впервые в жизни видели, как туман, словно дымка, поднимался над рекой, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь верхушки деревьев, ласково грели землю. Перед нами раскинулась кажущаяся глянцевой река. По одну её сторону густой тальник, по другую — высокий сосновый лес. Керженец здесь не широкий, всего в двадцать — тридцать метров.

Но не так просто управлять плотом на такой извилистой и мелкой реке. Кроме коряг и мелей, на Керженце много крутых поворотов и заводей, где почти нет течения. Плоты плыли медленно, и некоторые ребята пользовались этим: они шли лесом, делали зарисовки и собирали растения для гербария.

Почевать решили на песчаной косе. Разбили палатки, поужинали и на этот раз все улеглись спать. Только дежурные всю ночь сидели у костра, и те, кто просыпался, видели, как они сонно отмахивались от надоедливых комаров.

Наутро снова в путь. В районе деревни Хоха-

лы берега Керженца сильно размыты, и нам то и дело встречались оползни. Вот целый островок с деревьями, стоящими в воде, а некоторое время спустя мы подплыли к оползневой горе. Жители её называют Красной горкой. Это огромный пласт глины, сползающий к реке. Местный лесник сказал нам, что особенно сильно оползают берега в весеннее половодье. Оползни уничтожают лес, поэтому с ними ведётся борьба.

За Хохалами мы устроили большую стоянку. Выбрать для неё место было очень трудно: лес здесь сплошной стеной подходит к реке. Это сосновый заповедный лес. Только кое-где встречаются пихта и лиственница. В этих местах, как говорят, почти не бывал топор человека. Ягод здесь, как в сказке: целые заросли малины, смородины, брусники и черники! Сколько хочешь грибов! А цветов мало: тридцатиметровые сосны закрывают солнечный свет.

Здесь водятся не только медведи, волки и лисы, но даже лоси и рыси. Когда-то здесь водились северный олень, росомаха и косуля, но они уже давно перекочевали на север Кировской области.

Ценные звери и птицы в Керженском лесу охраняются. Мы побывали в бобровом заповеднике, видели, как «дровосеки»-бобры сами строят себе домики, подгрызая стволетные деревья. Слушали рассказы работников заповедника о жизни бобров. И ещё видели очень интересного и ценного зверька — ондатру. Только это в другом заповеднике — ондатровом. Стоит только увидеть ондатру, чтобы догадаться, какой образ жизни она ведёт. У неё густая и жирная шерсть, маленькая плоская голова, короткая шея, сплюсненное и гибкое туловище, пальцы на лапах соединены перепонками. Ондатра живёт в воде. Она прекрасно плавает и ныряет, действуя лапами, как вёслами. Питается ондатра рыбой. По притокам и заводям Керженца много заповедников ондатры...

Около деревни Валки хвойный лес кончается. Здесь кончаются и заповедники.

Теперь совсем иные картины окружают нас. По левому берегу раскинулись дубравы, по правому — луга и кустарники. Река стала шире, быстрее, разбилась на несколько рукавов, образующих между собой острова. В устье Керженец такой мелкий, что нам пришлось тянуть плоты волоком.

Вот и город Макарьев. Здесь кончается наш путь.

До новой встречи, Керженские леса!

Вадим Кирсанов, Олег Иванов.

Город Горький

Как мы путешествовали

Прошлым летом ребята из тбилисского Дворца пионеров совершили большой поход от Тбилиси до Сухуми. Пионер Тенгиз Мирзашвили гарисовал то, что ему показалось интересным. Другой участник похода — Дэви Дгебуадзе — сделал подписи к его рисункам.

1. Мы выехали из Тбилиси поездом. Долго ещё была видна гора Давида с фуникулёром — самая высокая точка города.

2. Первая остановка — древний город Махарадзе. Мы задержались здесь, чтобы познакомиться с его историей.

3. Здесь, в Махарадзе, много развалин средневековых крепостей. Мы осмотрели их.

4. Мы на чайных плантациях. Отсюда виден весь город.

5. Очень приветливо нас встретили местные пионеры. Они вместе с нами пошли в горы. Дорога была трудная, но мы не обходили препятствий.

6. При помощи альпенштоков мы устраивали ринки и пили воду.

7. Весь груз в походе несли поочередно, а те, кто был свободен, при всяком удобном случае собирали коллекции и гербарии.

10. В Батуми закончилась сухопутная часть похода. На величественном теплоходе «Украина» мы поплыли в Сухуми.

8. Преодолев перевал, мы попали в высокогорный курорт Вахмаро. Здесь мы остановились на три дня, раскинув свои латки.

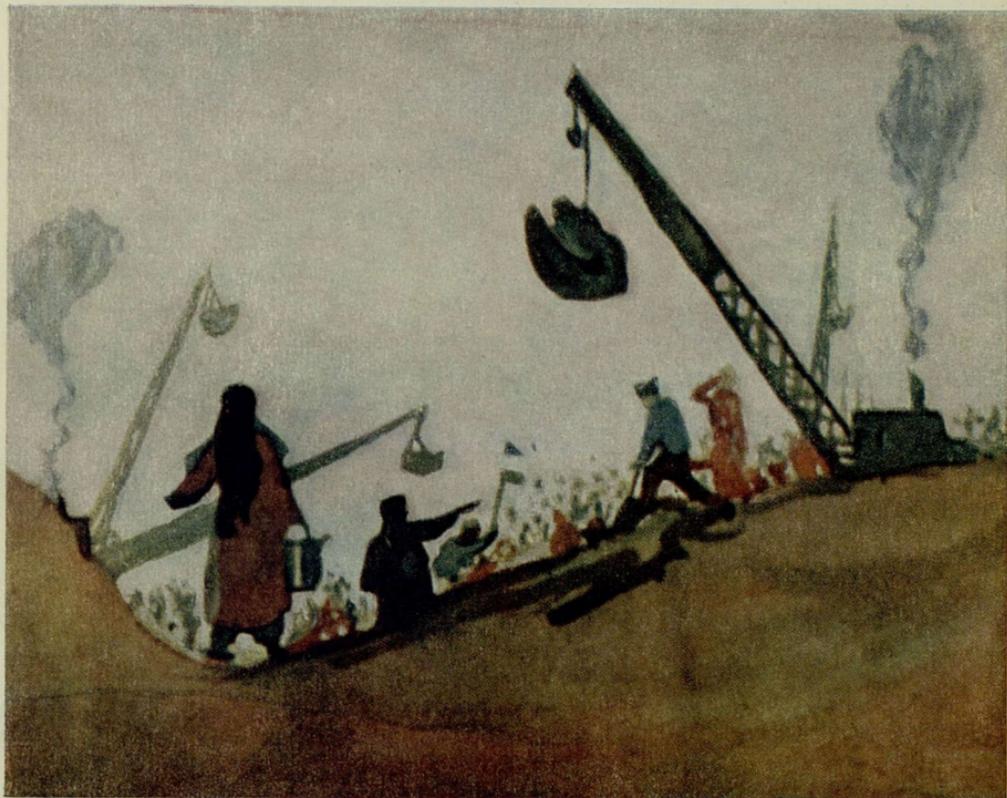
11. В Сухуми мы осматривали достопримечательности города, купались и загорали на морском пляже.

9. Это парк пионеров в городе Батуми. Здесь мы отдыхали и вместе с батумскими ребятами катались по морю на лодках.

12. На прощанье мы побывали в Сухумском ботаническом саду. Там мы видели гигантскую лифу и сидели под ней после экскурсии по саду.

«СТРОИТЕЛЬСТВО КАНАЛА В СТЕПИ»

Аквар. Салахудинов. Самарканд.

На Каслинском заводе

В Зауралье очень много озёр. Около них огромные залежи прекрасных формовочных песков. На берегу одного из таких озёр — озера Большие Касли — в 1747 году построен завод художественного чугунного литья. Это старейший уральский завод. Группа свердловских пионеров, в том числе и я, побывала там.

Сто лет назад завод отливал только чугуны и сковороды и лишь с половины девятнадцатого века перешёл на художественное литьё. Чугунные кони — скульптура Клодта, — украшающие Аничков мост в Ленинграде, отлиты на Каслинском заводе. До сих пор завод выпускает статуэтку «Бабушка», впервые отлитую сто лет назад.

Теперь на заводе отливается много работ советских скульпторов. Особенно нам понравились скульптуры «Комиссар с красноармейцем», «Пограничник» и «Звенк на олене». На заводе сейчас работает талантливый скульптор-самоучка Аникин, автор двух известных скульптур.

Мы попали на завод в такое время, когда в нём отливались не только скульптуры, но и колонны для больших строев, решётки для парков.

Начальник литейного цеха повёл нас к вагранке-печи, где выплавляется чугун. Как раз в это время готовый чугун выпускали из вагранки. Ослепительно светлой струёй он лился в огромный ковш, выложенный внутри асбестом.

В формовочном цехе нам показали как из песка, перемешанного с различными маслами, делаются формы тех вещей, которые должны отливаться. Мы видели, как делается форма

Чугунный олешек.

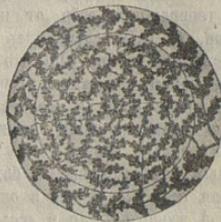
мясорубки. В изложницу, специальный ящик, кладётся модель, а вокруг неё насыпается песок, но так, чтобы засыпана была только половина модели. Потом ящик накрывают другим таким же ящиком с прямоугольными отверстиями. В них снова сыплют песок, который тщательно утрамбовывают. В каждом ящике отпечатывается только по половине модели, поэтому на готовой мясорубке получается шов. Модель вытаскивается, а ящики с её формой отправляются в литейный цех. Для того, чтобы мясорубка получилась пустотелой, в ящик вставляют форму внутренней части мясорубки.

На формовку мясорубки может идти и крупный песок, а для художественных изделий применяется особенный, очень мелкий песок. Если немного такого песка сжать в кулаке, то на нём отпечатываются все морщинки руки.

В тот день, когда мы были на заводе, в цеху художественного литья работали ученики ремесленного училища. Под руководством старых мастеров они отливали статуэтки, пепельницы, чернильные приборы, вазы. Вот один из них отливал узор. Наполнив ящик песком, он вдавливал в него модель узора. Получается точная копия. Ученик закрывает ящик наглухо крышкой с отверстием и льёт в это отверстие расплавленный

чугун. Потом он снимает крышку, достаёт отлитый узор и долго любуется своей работой. Большие статуи отливают ученики постарше, а вазы и блюда с причудливыми узорами отливают сами мастера.

Готовые скульптуры покрывают лаком и сушат в печи с очень высокой температурой. Это делается в красильне, и оттуда все изделия поступают на склад. На нём мы тоже побывали. Здесь штабелями лежали решётки, которыми огорожены парки и сады каждого города на Урале. Они есть в саду Горсовета, на улице Ленина и у Дворца пионеров у нас в Свердловске. А вот и чугунные лягушки, знакомые всем ребятам Свердловска! Точно такие же лягушки сидят вокруг фонтана «Мальчик с рыбкой».

Каслинская «кружевная» тарелочка.

Мы долго ходили по складу, рассматривая уже отделанные скульптуры. Они стояли, как живые, и мы восторгались мастерством, с каким они сделаны.

На прощание нам подарили статуэтки оленя и чертёнка. Мы их привезли в Музей краеведения при Дворце пионеров.

Виктория Иванова, ученица
13-й школы

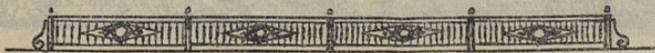
Свердловск.

Озеро «Пионерское»

В шести километрах от села Красновидова, Можайского района, где каждый год помещается наш пионерский лагерь, находятся ниже не ис-

следованные озёра. На одних районных картах они значатся, как два безыменных кружочка, на других — как три, а на некоторых их совсем нет.

Это заинтересовало наш лагерный географический кружок, и мы решили организовать экспедицию к озёрам, чтобы узнать их происхождение.

Возглавлял экспедицию руководитель географического кружка Борис Леонидович Беклешов.

Мы шли по азимуту. Дорога напрямик была надёжной: шли густым мелким лесом и болотами, — но от этого у нас не упало настроение. Придя на место, мы до захода солнца успели разбить палатки, построить шалаши, приготовить ужины и сделать предварительную разведку озёр.

Разведчики узнали, что всего озёр два. Оба они так заросли, что подойти к ним ближе, чем на пять метров, опасно: сросшиеся корни болотных растений разрывались, и можно было провалиться. Из занятий географического кружка мы уже знали, что такие берега называются славинной. Так как мы собирались исследовать озёра по-настоящему, то заранее приготовили и шесты, с которыми безопаснее ходить по заболоченным берегам.

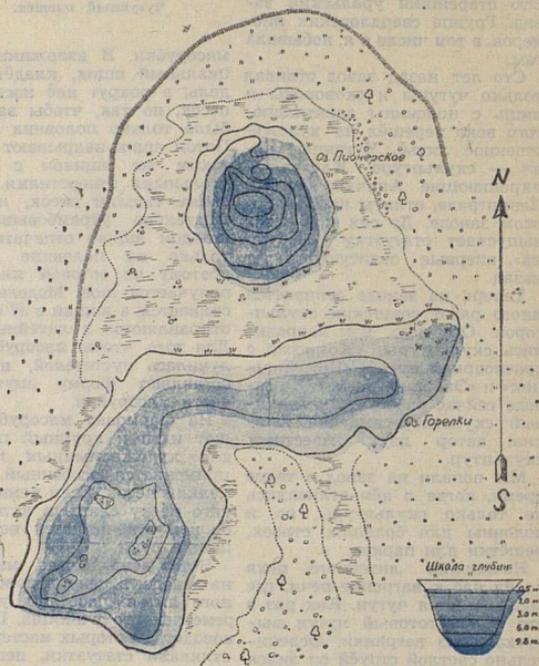
На следующий день уже с утра кипела работа. Картографы вбивали колья, готовясь к измерению расстояния теперешних озёр от прежних берегов. С озёр слышались голоса промерщиков глубин. Они это делали самодельными лотами. Почвоведы брали пробу почв, а геологи старательно рылись в земле, собирая образцы горных пород. Схему растительных поясов готовили ботаники, собирая всё, что растёт в окрестностях. А зоологи ушли в лес: нужно ведь знать, какие птицы и звери водятся в нём.

Скоро одна за другой открылись нам все тайны озёр. Когда-то это было одно озеро ледникового происхождения. Питалось оно подпочвенными дождевыми водами. Проходили тысячелетия, и постепенно воды в озеро стало прибывать меньше, чем уходило, и озеро стало заболачиваться. Так оно разделилось на два озера. Одно из них — большое — мы застали в стадии зарастания. Но мы нашли и берега древнего озера. Мы распределили их по ленточным глинам и террасам, расположенным в виде concentрических уступов вокруг теперешних озёр.

В 1939 году во время сильной засухи на большом зарастающем озере был пожар: загорелся торф, — и на этом месте появилась неглубокая, но большая впадина, которая заполнилась водой.

С тех пор это озеро местные жители называют «Горелки». У второго озера названия нет. И мы решили это озеро назвать «Пионерским».

Мы записали всё, что сделала наша экспедиция, и начертили карты обоих озёр. На Географической научно-исследовательской станции в Красновидове нам сказали, что мы собрали очень ценный материал, и результаты нашего исследования передали в Научно-исследовательский институт географии. Все коллекции и гербарии, собранные

Вот наша карта. Штриховым полукругом на ней обозначен берег древнего озера.

около озёр, теперь выставлены в Краеведческом музее Московского государственного университета.

Так прошла наша первая географическая экспедиция. Мы нашли очень много нового около озера лагера, даже не отправляясь в дальнее путешествие. И это очень интересно!

Юлия Гельцер, участница экспедиции пионерского лагеря МГУ

Москва.

Путь к вершинам

Заслуженный мастер спорта Е. Абаканов

Я родился и вырос в сибирском городе Красноярске. Это замечательно живописный город, его окрестности напоминают Жигули или Швейцарию. Совсем недалеко от города начинаются места необыкновенной красоты — дикие гранитные скалы «Столбы». Среди красноярцев, наверно, немного найдётся таких, которые не поднимались бы на «Столбы».

Здесь, на «Столбах», и мы с братом впервые познакомились с суровой и прекрасной природой Сибири и здесь получили первое «боевое крещение», лазая по отвесным скалам, взбираясь на скалистые обрывы. Всё свободное время мы проводили в тайге, углубляясь в её дебри на десятки километров. Ходили туда и летом, и поздней осенью, и зимой. Нередко ночь заставала нас в глухо стонущей под напором ветра осенней тайге. Приходилось нам ночевать и в болоте и на снегу.

Мы научились хорошо разбираться в карте, отыскивать нужное направление в сложном лабиринте скал по деревьям и камням, по направлению ветра, ночью — по звёздам, а в густом тумане — по компасу.

Наполец мы задумали с товарищами совершить дальнейшее путешествие по Алтаю. Маршрут придумали такой: от Бийска подняться по реке Бие до Телецкого озера, перевалить через высокий и мало изученный хребет Корбу в верховье реки Абакана и по этой порожистой и неизученной реке спуститься в Енисей. А оттуда — уж рукой подать до Красноярска.

Наш путь лежал по безлюдной тайге, на сотни километров там не встретишь человеческого жилья. Поэтому нам прежде всего нужно было подумать о снаряжении. Но денег у нас было

мало, и взять мы могли с собой только самое необходимое: крепкие ботинки, трусы, брюки из прочной бумажной материи и по три—четыре рубашки (с таким расчётом, чтобы в зависимости от температуры надевать их от одной до всех), компас и карту, топор, финский нож, котелок, кружки и ложки. Палатки у нас не было, и мы взяли кусок клеёнки, который должен был ограждать нас от сырости и холода.

Немало неприятностей пришлось перенести нам из-за такого примитивного снаряжения, и только хорошая закалка позволила выполнить весь маршрут до конца.

Дойдя до Телецкого озера, наши товарищи вернулись домой, не решившись следовать далее. Мы с братом продолжали путешествие вдвоём.

На хребет Корбу поднимались по дремучей тайге, пробираясь медвежьими тропами, руководствуясь компасом и картой.

Недалеке от перевала лес поредел. Огромные деревья сменились карликовыми берёзками и елями, а вскоре и они исчезли. Склоны зеленеют сочными горными лугами, усыпанными яркими весенними цветами.

Вечером похолодало. Синеватая дымка опустилась на тёмные провалы тайжных долин и далёкие снежные вершины.

Нужно было подумать о том, как провести ночь, чтобы не замёрзнуть. Пригодился хворост, предусмотрительно захваченный нами снизу. Мы обогрелись у большого костра и сварили кашу. Когда костёр прогорел, разгребли золу и устроили на нагретой земле постель из травы. Одежлом нам служила клеёнка. Тепла хватило на всю ночь, мы не сильно озбились.

Наутро предстояло решить сложную задачу — заметить направление спуска. В хаосе хребтов

Широкие трещины, запорошенные снегом, пересекают ледники Памира. Нужно быть смелым и ловким для того, чтобы перепрыгнуть через пропасть.

и долин трудно было ориентироваться даже по карте. Переход был очень трудный.

Наконец мы добрались до Абакана. Его прозрачные холодные волны с шумом катились вниз.

Мы срубили маленький плотик — салик. — прочно скрепив брёвна жердями, без единого гвоздя. Для управления установили два больших весла — «грёби».

Вначале Абакан был узок и течение его было сравнительно спокойно. Но вскоре река вошла в узкое ущелье и, грохоча, понеслась по порогам.

Потребовались все самообладание, сила и ловкость, чтобы провести салик среди скал. Водовороты затягивали его под воду, и громадные холодные волны обрушивались на нас, грозя потопить наш «корабль». Часто мы плыли, стоя по пояс в воде.

К концу третьего дня кончились продукты. Мы питались душистыми кедровыми орехами и ягодами. Это поддержало нас до первой деревни.

Оборванные и похуевшие, но довольные своей победой, мы вышли, наконец, на широкий простор Енисея и скоро добрались до Красноярска.

Несмотря на все перенесённые в пути невзгоды, мы вернулись закалёнными и окрепшими. А сколь-

ко новых знаний и впечатлений мы привезли с собой!

С тех пор мы окончательно «заболели» путешествиями. На следующий год отправились в Саянские горы. Снежные горы покорили нас своей суровой красотой — мы стали убеждёнными альпинистами.

* * *

Прошло пятнадцать лет сложнейших путешествий по горам.

Огромные скалистые обрывы, крутые ледяные склоны в несколько сот метров высотой, пагоможенные ледяных глыб, зияющие ледниковые трещины не могли остановить советских альпинистов. Поднявшись на заоблачные вершины, они панесли на карту величайшие ледники мира и горные узлы, исследовали недра гор и помогли учёным уточнить карту нашей Родины, стереть с неё «белые пятна». Мы с братом были в рядах советских альпинистов. Штурмовали самые недоступные уголки Памира и Тянь-Шаня, где никогда не ступала нога человека. Не один десяток труднейших вершин покорили мы за это время.

С улыбкой вспоминаем мы теперь свои первые путешествия. С таким снаряжением, конечно, нечего было и думать подняться на самую лёгкую снежную вершину.

Но эти путешествия дали нам очень много: они сделали нас сильными, выносливыми и ловкими, закаляли нашу волю, развили находчивость и наблюдательность.

В горах проверяются люди. Альпинизм — благородный спорт. Крепкое товарищество связывает альпинистов, идущих в горы. Тут все отвечает за одного, один — за всех.

В прошлом году мы поднимались по леднику Сагран. До сих пор никто ещё не вступал на него. Широкие трещины, запорошенные снегом, рассекли ледник. Мы осторожно переходили через них. Вдруг снег провалился, и один из наших спутников упал в трещину. Он повис в тёмной глубине над пропастью. Нечего было и думать подняться наверх по гладким ледяным стенам. Но мы все пришли на выручку, и наш товарищ продолжал вместе с нами подъём на ледник.

Такие происшествия случаются нередко, и каждый из советских альпинистов не шадит себя, выручая товарища.

* * *

В этом году многие из вас, ребята, будут путешествовать по родному краю. И мне, опытному путешественнику, хочется дать несколько советов, которые помогут вам.

Я советую вам начинать с ближайших походов. Но всякий поход — и дальний и ближний — надо хорошо организовать.

Прежде всего нужно заранее определить точ-

ный маршрут путешествия: подробно изучить его по картам, прочитать книги, в которых описаны места вашего путешествия, расспросить старожилов, живущих в этих местах.

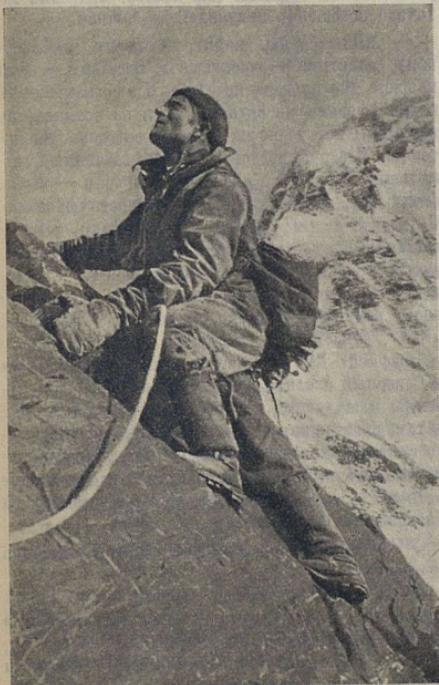
В отряде альпинистов всегда есть две группы: штурмовая и разведочная. Разведка идёт впереди и разведывает путь, чтобы облегчить восхождение штурмовой группы. Советую я вам, ребята, перед походом выслать разведку. Она изучит дороги, узнает, где есть питьевая вода, наметит места бивуаков.

Маршрут определит порядок проведения похода и подбор снаряжения. Например, по знойным степям или долинам Средней Азии лучше идти утром и вечером, днём отдыхать, а в лесах средней полосы или на севере приятнее идти днём.

Надо узнать, по каким дорогам лежит ваш путь. Ясно, что по хорошей дороге вы пройдёте больше, чем по нехоженным тропинкам.

Переход зависит также и от рельефа. По ровной дороге можно пройти четыре—пять километров в час, зато на подъёме в гору более одного—трёх километров не пройдёшь.

Но с какой бы вы скоростью ни шли, надо все-

В горах Памира, на большой высоте, в разреженном воздухе, особенно труден подъём на крутые склоны.

гда рассчитать своё движение так, чтобы остановиться на бивуак засветло и как следует подготовиться к отдыху.

Все органы человеческого тела лучше работают при равномерной нагрузке. Поэтому не следует двигаться рывками: то медленно, то очень быстро. На отдыхе не дожидитесь разгорячёнными на сырую землю, короткие передышки лучше делать стоя. В голове колонны пустите более слабых, чтобы у вас не было отстающих.

Часто бывает так, что в начале подъёма молодые и горячие альпинисты чуть ли не бегом бросаются в гору, но зато очень быстро они начинают задыхаться, а иногда и совсем сдают. Более спокойные и опытные путешественники тем временем догоняют и перегоняют их.

Вредно в пути много и часто пить. Вода увеличивает нагрузку для сердца. В пути часто пересыхает горло, но в таких случаях нужно пополощить горло водой. После обеда можно выходить не раньше, чем через час, иначе идти будет тяжело.

Большинство из вас будет путешествовать пешком. Поэтому привычайтесь заботиться о своих ногах. Часто мойте их. Чистые ноги меньше потеют и меньше устают. Пожалуй, самая распространённая неприятность во время переходов—это натёртые ноги.

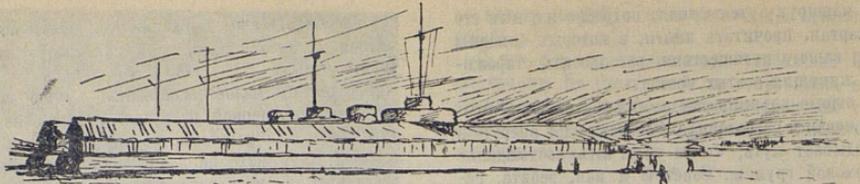
Когда в дождливую погоду долго не разгорает костёр, уставший и промокший путник начинает нервничать. Запомните, что спички нужно хранить в прорезиненном мешочке и что лучше всего горят береста, смолотое дерево, наструганное тонкими стружками, сухая хвоя из-под елей и тонкие сухие веточки у ствола ели и пихты.

Очень важно хорошо упаковать вещи, которые вы берёте с собой. Если свалить всё в кучу, как это частенько бывает, то соль смешается с сахаром, конфеты — с солёдкой, а хлеб раскрошится на мелкие крошки. Поэтому для продуктов запаситесь мешочками, баночками и коробочками.

Одежда и снаряжение также зависят от маршрута. Но для всех походов нужны прочные, лёгкие ботинки на толстой подошве, костюм, не стесняющий движений, широкополая, защищающая от солнца и дождя шляпа. Облегчает переход хороший рюкзак. Важно, чтобы он хорошо сидел на спине и основная опора была на поясище. Лямки рюкзака лучше сделать из широкой тесьмы или ремённые и подложить под них войлок.

В непогоду палатка — лучший друг туриста и альпиниста. Но можно, как я вам уже рассказывал, даже в дальних походах обойтись и без палатки. Её заменит навес, сделанный из куска брезента или клеёнки, или шалаш из ветвей.

Сообразительность, сметка, ловкость и сила выручат вас во многих трудных положениях.

Ч. П.

Рассказ Андрея Шманкевича

Рис. Н. Цейлина

В это утро настроение у Андрейки было, как горючил баталер Ершов, самого низкого качества. При таком настроении человеку просто необходимо с кем-нибудь поговорить, услышать слово сочувствия. Но все на корабле точно сговорились, и казалось, до юнга никому и дела нет. Правда, на корабле заканчивался ремонт, и все были заняты, но Андрейка понимал: дело вовсе не в занятости, а совсем, совсем в другом...

Всё же юнга не терял надежды. Сначала он обошёл все кубрики, но там никого не было, потом направился в кормовой тамбур, в гости к боцманской команде. Матросы плели маты и кранцы, делали швабры. За работой они о чём-то разговаривали, но стоило Андрейке переступить порог, как разговоры прекратились. Тогда Андрейка сделал вид, что он и не собирался заходить к ним, что ему надо пройти в машинный отсек. Кстати, на мотористов юнга больше всего надеялся: у мотористов его всегда принимали очень радушно.

Но сегодня и мотористы приняли Андрейку необычайно сдержанно. Они заканчивали сборку дизелей. Для начала Андрейка спросил таким тоном, будто ничего не случилось:

— Товарищ мичман, значит, скоро опробуем дизель?

— Значит, скоро... — сухо ответил Савушкин — и больше ни слова.

Делать было нечего. Постоял, помялся Андрейка у дизелей и в разговор сказаться больше не решился. Могли ведь ещё сказать: «Не мешай. Иди, занимайся своим делом — учи уроки, а то опять...»

Медвежонок Антошка, и тот не захотел с ним разговаривать. Он только чуть-чуть приоткрыл свои маленькие красноватые глазки, покосился на юнга и, проворчав что-то сердитое, снова уснул... Правда, по своей медвежьей привычке Антошка зимой только тем и занимался, что спал, ел и то с закрытыми глазами, но сегодня и на него обиделся Андрейка.

— Ну, не хочешь и не надо, соня несчаст-

ный, — проворчал он и пошёл в носовой тамбур к комендорам.

Артиллеристы собирали орудие. Хотел Андрейка узнать, отчего они так весело смеются, но, услышав голос старшины Орешкина, остановился. Андрейка всегда старался не попадаться старшине на глаза, а уж сегодня тем более. Но ему очень хотелось послушать, что тот рассказывает, ведь рассказывать Орешкин был мастер. Андрейка тихонько подошёл и притаился за башней.

— ...Плывём мы, значит, по океану. По Северному, заметьте, — рассказывал Орешкин. — День плывём, два плывём, неделю... И ещё нам неделю плыть и земли не видеть. Так и по всем картам значится: нет у нас на пути ни островка, ни материка. И вдруг, представьте себе, вахтенный сигнальщик кричит: «Земля!» Смотрим — верно, земля. Ну, держим курс на неизвестную землю. Подходим, видим: тигры по джунглям рыщут, обезьяны с попугаями из-за кокосовых орехов дерутся, и всё это зверьё от холода ёжится. Что такое? «Да ведь это, товарищи, Мадагаскар», — говорит командир. И верно, оказалось, Мадагаскар. «Что, думаем, за история приключилась с географией? Как этот сугубо южный остров попал в Северный океан?» Тут прибыла на корабль туземцы и жалуются нашему командиру: так, мол, и так, произошло всё это по желанию одного юного географа, молодого мистера Сажина, юнга с вашего корабля. Ему не понравилась расположение островов и материков на немой карте, и он решил расположить их по-своему...

У Андрейки покраснели даже уши. А старшина продолжал:

— Не понимаю, чего вы, комендоры, смеётесь? Смешного тут нет ничего. Человек серьёзное дело делает, новую географию сочиняет...

— А награда ему за это не вышла? — спросил кто-то из артиллеристов.

— Ну, а как же! Конечно, вышла. Ему такую фигурку в табеле нарисовали...

Описание «фигурки» Андрейка слушать не стал. Он пулей вылетел на палубу. Хватит с него! Наслышавшись уже. Первым поднял его насмех баталер Ершов. Выдавая юнге подбитые ботинки, он при всех сказал:

— Два ботинка — необходимая двойка, две перчатки в зимних условиях — тоже хорошая двойка, нужная, а вот двойка в табеле, — сомневаюсь. Без неё, я так полагаю, всегда прожить можно...

По всему затону стояли корабли, вмороженные в лёд. Одни — ближе к берегу, у причалов, другие — на самой середине. К каждому кораблю по серому снегу тянулась чёрная дорожка. Теперь только по дорожкам и можно было ходить, а рядом с дорожками уже сверкали на солнце большие лужи.

Зимой корабли и на корабли не похожи. Стоят по всему затону деревянные бараки, наспех сколоченные из неоструганных досок, и только по

Андрей потихоньку подошёл и притаялся за башней.

«Вот привязались все... Подумаешь, происшествие какое, — думал Андрейка. — Одна двойка за весь год, и все накинудись. Вот возьму и уйду от них. Пойду на другой монитор или во Владивосток уеду. Там настоящее море. А здесь что, просто Амур... Там разве такие корабли?..»

На палубе Андрейку пооблуду ветерком, и он начал успокаиваться. А немного поостыв, решил подняться на крышу тамбура и посмотреть, что делается в затоне.

Солнышко припекало так, что доски на крыше тамбура дымились, и ветерок разносил по кораблю тёплые лесные запахи. Если бы вытащить Антошку сейчас на тамбур, он, наверно, живо бы ожил, понял бы сразу, что весна.

мачтам и можно определить, что прикрывают эти бараки военные корабли. Когда стихал ветерок, над кораблями-бараками лёгкими струйками поднимался пар и дрожал в воздухе.

Из рубки на мостик вышел старшина Курочкин с красными сигнальными флажками. Андрейка недаром считал старшину лучшим своим другом и самым хорошим человеком на корабле. И хотя вчерашняя двойка доставила больше всего неприятности именно Курочкину, как непосредственному андрейкиному начальнику и воспитателю, юнга смело направился к нему.

Старшина, прищурясь, посмотрел на небо.

— Эх, небушко-то какое! Красота! — сказал он. — Весна!

На душе у Андрейки поветлело. Раз старшина разговаривал с ним о весне, значит, не сердился.

— Посмотри, что воробьи вытворяют! Небось, тоже свои планы на лето строят... А семафоры какие с кораблей передают! Ты только почитай!

«Прошу прислать олады и бели», — передавали с одного корабля, с другого спрашивали, когда прибудет на корабль пополнение, на третьем беспокоились по случаю задержки с доставкой на корабль якорной цепи. Андрейка и Курочкин читали семафоры, и они больше, чем всё остальное, говорили им о весне, о скорых походах.

— Сейчас и мы напомним. Первыми заканчиваем ремонт, первыми просим разрешения снять тамбуры. Надоели эти бараки за зиму, — сказал старшина.

— Вот это здорово! Вот это я понимаю! — обрадовался Андрейка и умоляюще посмотрел на Курочкина. — Товарищ старшина первой статьи, разрешите мне передать семафор. Мне так хочется...

— Добро.

Андрейка схватил флажки, мигом поднялся на самое высокое место на корабле, на крышу рубки, и начал вызывать флагманский корабль. Старшина смотрел на него снизу и улыбался.

— Отвечает флагман! — крикнул Андрейка.

— Пини, — сказал старшина и продиктовал: — «Ремонт заканчиваем. Прошу разрешения снять тамбур. Капитан третьего ранга Молодцов».

Андрейка передавал быстро и отчётливо, как учил его Курочкин. Каждую букву он вычерчивал в воздухе так же старательно, как выводил буквы в тетради на уроке чистописания. Закончив передачу, он смотал флажки, спустился с рубки, козырнул и доложил:

— Товарищ старшина первой статьи, семафор передан!

Но старшина уже не улыбался.

— Плохо передан, — сказал он. — С ошибками передан. На десять слов две ошибки. Никуда не годится. Вместо «ремонт» нашал «рмонт»... И пора бы знать, что «третьего» надо писать с мягким знаком после «т». Это я вам уже не раз говорил. Видно, добрый у вас учитель по русскому языку, тройки вам ставит. У меня бы вы больше двойки не получали...

И совсем уже другим тоном старшина добавил:

— Эх, Андрейка, Андрейка! Был у меня сегодня неприятный разговор с командиром за твою географию... Но, кажется, придётся мне ещё и за твою грамотность краснеть перед ним. Конечно, я мог бы попросить его перевести тебя к Савушкину или к Орешкину. Мне меньше заботы... Как ты на это смотришь?

Андрейка сразу вдруг стало холодно, он весь съежился и опустил голову: только что он думал

уйти с корабля, а теперь ему страшно было думать уйти лишь от Курочкина.

На тамбур бвбежал вахтенный расслышанный.

— Юнга, к командиру! — крикнул он.

Андрейка испуганно взглянул на Курочкина.

— Ничего, ничего, — подбодрил старшина и слегка толкнул его в спину.

Командир встретил Андрейку в тамбуре. Он был в шинели и фуражке. В руках капитан держал зелёную книжку: андрейкин табель.

— Берите учебники, пойдёте со мной! — приказал он юнге.

Когда командир и юнга сошли с корабля, один из молодых комендоров сказал:

— Чудно как-то... Командира корабля, капитана третьего ранга, из-за юнги вызывают в школу. И он идёт...

— Ничего чудного здесь нет. Вот послужите с нами побольше и поймёте, что юнга — не медвежонок на корабле, — сказал Орешкин. — Сын корабля — это не просто красивый звук: он на месте сына, мы на месте родителей. Вот вы недавно десятилетку кончили, взяли бы, как старший брат, и помогли юнге поточнее определить координаты Мадагаскара...

Командир был высокого роста и ходил размашистым шагом, Андрейка еле успевал за ним, иногда даже бежал. Капитан замечал это и убавлял шаг. Андрейке не первый раз приходилось идти с командиром, и раньше такие прогулки доставляли ему удовольствие. Все матросы и старшины приветствовали их первыми и проходили мимо поднянутым шагом. А если Андрейка замечал впереди ребят, то старался идти с капитаном совсем рядом и не семечить ногами, а шагать солидно, широко. Сегодня Андрейка шёл, опустив голову, не глядя по сторонам, стараясь только не отстать от командира. И командир сегодня шёл не так браво, как всегда.

Молча прошли они всю территорию порта и поднялись к парку. Вдруг командир остановился. Андрейка поднял голову и тоже вытянулся и приложил руку к бескозырке. Перед ними стоял капитан первого ранга, начальник политотдела. Он не раз бывал на корабле и знал Андрейку.

— Здравствуй, здравствуй, юнга! Ну, как успехи? — пробасил он.

— Похвалиться нечем, товарищ капитан первого ранга, — ответил за Андрейку командир, — вот иду в школу. Прислали вызов родителям.

— Да ну? Это ты что же там натворил? Подарил или стекло расколотишь?

— Нет, товарищ капитан первого ранга. Честное слово, не дрался... — с жаром ответил Андрейка и подумал, что, может быть, начальник политотдела, узнав про двойку, не так уж рассердится.

Андрейка еле поспевал за командиром.

— Так за что же командира вызывают?

— А вот посмотрите сами, — сказал командир и протянул табель.

Начальник политотдела принялся изучать табель во всех подробностях. Он просмотрел его с первой и до последней странички, просмотрел отметки по всем четвертям, потом начал сравнивать первую четверть со второй, вторую с третьей. А юнга смотрел на него и старался угадать, что он скажет. Лицо начальника становилось всё серьёзнее.

Наконец он закрыл табель.

— Да... Картина мало отрадная. Табель вы, товарищ капитан третьего ранга, подписывали аккуратно, а вот не потрудились проанализировать. А тут и невооружённым глазом видно, что воспитанник ваш под гору шагает... Надо будет и на других кораблях проверить. А вы после школы зайдите ко мне.

— Есть зайти к вам. Разрешите идти?

— Идите.

До самой школы командир не произнёс ни слова и только у дверей сказал:

— Всё слышал? А, небось, думаешь: вот прицепились с двойкой. Видишь, как начальник политотдела на это смотрит? Как на ЧП. И правильно. Твоя двойка — чрезвычайное происшествие на корабле. Так и запомни... Ну, пойдём, будем перед учителями ответ держать.

Ребята в коридоре сразу притихли, как только увидели капитана. Андрейка боялся, что они будут над ним подтрунивать, но они его как будто

и не замечали. В школу пришёл капитан третьего ранга, а это бывало не каждый день. Наверно, никто и не подумал, что капитан пришёл с Андрейкой. Только когда у дверей учительской командир сказал: «Подожди меня здесь» — и Андрейка, козырнув, ответил: «Есть подождать здесь!» — ребята посмотрели на него с завистью и восхищением.

— Зачем это он пришёл? — спросил староста класса.

— Из-за двойки по географии, — с достоинством ответил Андрейка. — Понятно? Ну, получил я двойку, вот и вызвали командира...

— Ух ты! И пришёл?..

— Пришёл. Я сам думал, что пойдёт старшина Курочкин, а он, видишь, взял да и сам пришёл.

— Вот он теперь покажет тебе, как двойки приносить, — совсем не зло, а даже с завистью сказал староста.

— Да уж будь уверен, фитиль обеспечен, — небрежно процедил Андрейка.

— Какой фитиль?

— Не понимаешь? Ну, нагоняй, значит... Это раньше на фоте, если кто провинится, так его заставляли дежурить у фила на баке. От этого фила все прикуривали.

— А мы думали, что у тебя табель никто не просматривает, — сознался староста.

— Ну да! Это у тебя посмотрит папа или мама, и всё. А у меня не только командир отделения смотрит, но и по всем БЧ, ну, боевым частям, значит, сразу становится известно, что я получил. А подписывает табель сам капитан третьего ранга. За каждую тройку как поставит по стойке смирно, и давай, и давай!.. А двойка — ЧП на корабле. Понятно? Чрезвычайное происшествие... И вот я тебе, как старосте, говорю, — вдруг торжественно и горячо заговорил Андрейка. — если я ещё хоть одну двойку получу...

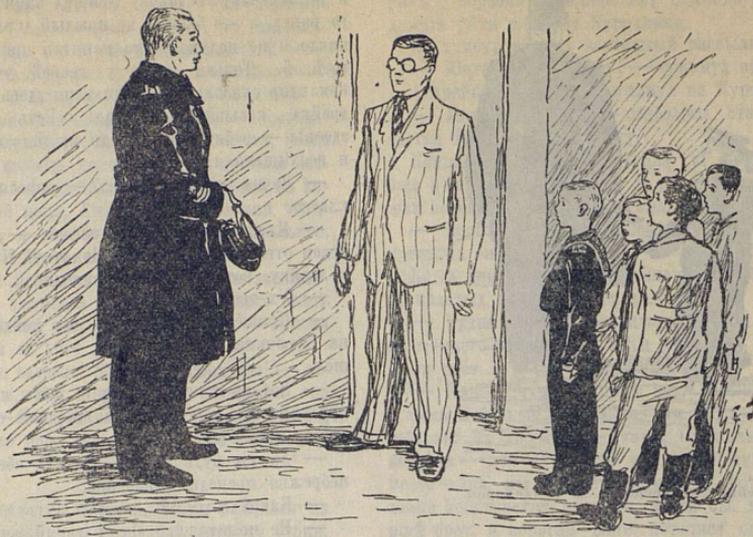
Андрейка не договорил. Открылась дверь учительской, и показало командир корабля, а за ним шёл классный руководитель Павел Максимович.

— До свидания, Павел Максимович, — прощался командир, — благодарю вас за сообщение. Думаю, что больше не придётся вам вызывать родителей.

— А вы и без вызова приходите. Хорошо бы вам поговорить с ребятами. Ведь половина из них — будущие моряки, потомственные... — говорил Павел Максимович.

— Постараюсь. Надо будет выкроить время. До свидания!

Капитан приложил руку к фуражке и поискал глазами Андрейку. Вероятно, он хотел ему что-то сказать, но тут оглушительно зазвонил звонок.

— До свидания, Павел Максимович, благодарю вас за сообщение.

— Хорошо. Дома поговорим, — сказал капитан и поправил у Андрейки воротник, точно так, как поправляют родители.

— А теперь, слышишь, — колокол громкого боя. А что это значит по боевому расписанию?

— По боевому расписанию, — надо бежать на свой боевой пост, товарищ капитан третьего ранга, — повеселев, ответил юнга.

— Правильно. Ну, значит, марш на свой боевой пост... За парту!

На корабле после ужина Андрейку снова вызвали к командиру. На этот раз он пошёл смело, уже не ожидая больших неприятностей.

— Так вот, Андрей, — заговорил капитан, — выяснил я сегодня, что ты человек не без способностей. Мог бы учиться много лучше. Выяснилась и причина, почему ты захромал. Одолела тебя лень-матушка. И мы тебя не подтянули вовремя. И мне хочется услышать твои соображения по всему этому.

Андрейка вскопич со стула:

— Товарищ капитан третьего ранга, даю четное слово, не будет больше двоек!..

— А троек?

— И троек не будет... — ответил Андрейка, хотя уже и не с таким жаром.

— Интересно, как ты думаешь этого добиться?

— А я по ночам буду заниматься.

— Ах, по ночам!.. Ну, это всякий может. Зубрылкой, значит, решил сделаться? Нет. Это не ме-

тод. Понимать надо, а не зазубривать. Понимать! А для этого надо любить учиться. Мы все хотим, чтобы ты был образованным, знающим человеком, Андрей. Вот почему нас так встревожила твоя двойка. Ты пришёл к нам на корабль. Почему? Разве только потому, что ты сирота? Нет. Твой отец был моряком, нашим моряком, амурцем. И ты заявил, что хочешь стать моряком, занять место отца. Так вот запомни: в Советском Флоте, в Советской Армии не может быть офицера-недоучки. Невозможное это дело. Да тебя и не примут в военно-морское училище, если ты кончишь школу с плохими отметками... И ещё тебе, Андрей, скажу: всех нас, всю нашу корабельную семью очень огорчила эта двойка. И если ты нас любишь по-настоящему, ты этот случай запомнишь. — Капитан помолчал немного и потом добавил: — До экзаменов осталось всего-ничего. Тут действительно надо поднажать. Но только насчёт ночей и думать забудь. Привыкай делать всё в положенное время. Я договорился с командиром полуэкипажа, и с завтрашнего дня...

— Вы... вы списываете меня на берег? — прошептал Андрейка, и у него дрогнули губы. — Насовсем?

Капитан пожал плечами:

— Всё целиком будет зависеть от тебя. А теперь, юнга, пойдите к старшине и скажите, что бы на вас заготовили аттестаты. Идите.

У старшины Андрейка не выдержал и заплакал.

— Чего ты плачешь? — говорил старшина. — Правильно командир решил. Скоро вон лёд так сдвигается, что на корабль будет не пройти. А пропускать уроки в последней четверти невозможно. Да я слышал, не одного тебя списывают в полуэкипаж: начальник политотдела приказал всех вас собрать вместе, создать условия.

— Я не хочу совсем уходить с корабля!..

— А кто тебе сказал, что совсем. Перейди с хорошими отметками в шестой — и всё будет в порядке. И на монитор вернёшься, и в поход пойдём по всему Амуру. Постарайся только...

Провожать Андрейку пошёл тот самый комендор, который удивлялся, что командира корабля вызывают в школу из-за юнга.

— Только давай будем идти рядом, — попросил Андрейка, — а то матросы ещё подумают, что ты меня на гауптвахту ведёшь.

Комендор рассмеялся.

— Между прочим, — сказал он, — я, не хвалясь, хорошо знаю географию. Если хочешь, буду приходить в свободное время и помогать.

— Ну да, так тебя и отпустил Орешкин!

Но уже на другой день в кубрик, в который поместили Андрейку в полуэкипаже, явился комендор-географ и с ним молодой сигнальщик из пополнения.

— Вот, рекомендую: знаток русского языка, без пяти минут профессор. Старшина Курочкин считает, что вам не повредят несколько дополнительных уроков по этому основному предмету, — торжественно произнёс комендор.

* * *

С каждым днём становилось всё теплее. Снег уже стаял, и юнги по утрам прежде всего влезали на подоконник и смотрели, не тронулся ли Амур. Лёд настолько подтаял, что ходить по нему было опасно, и на несколько дней корабли оказались отрезанными от берега. Андрейка заскучал. Но скоро катера разбили в затоне лёд, и корабли подошли к берегу. Снова пришли андрейкины учителя-добровольцы. Пришёл и лучший математик корабля — лейтенант Попов. Он проверил Андрейку и решил, что неплохо будет повторить всё пройденное за год. Андрейка вздохнул, но возражать не стал.

Чем ярче пригревало солнце, чем сильнее зеленели луга за Амуром, тем больше волновался Андрейка. Приближались экзамены. Но Андрейка не экзаменов боялся. Он мог теперь на самой немоёй карте, с завязанными глазами отыскать всё, что пожелаете. И по другим предметам всё было повторено. Боялся Андрейка другого, да и не он один, а все юнги: корабли могли в любой день, в любую минуту сняться и уйти в поход. А когда

наступит этот день, не знали даже командиры кораблей, знал только адмирал. Все юнги хотели одного: чтобы корабли ушли в поход на другой день после последнего экзамена.

Наконец экзамены начались. Наступил и последний день.

На экзамене по географии Андрейку вызвали первым.

Андрейка встал, уверенно направился к столу и, не выбирая, взял билет. Ему хотелось подчеркнуть, что он знает всё и не волнуется.

Совершенно случайно Андрейка взглянул в окно, и его точно током ударило: из затона один за другим выходили корабли.

— Ну, какой у тебя вопрос? — весело спросила Марья Тимофеевна.

Она была уверена, что Андрейка отлично ответит.

Но Андрейка не слышал её.

Он бросился к окну.

— Сажин! Что за выходки? Немедленно иди сюда! — крикнул Павел Максимович.

— Павел Максимович! Корабли уходят... Мне нужно, понимаете, нужно на корабль! Я потом дам. Я всё знаю, вы же знаете!

В голосе Андрейки было столько настоящего отчаяния, что все, учителя и ученики, повернулись к окнам. Корабли уже вышли в Амур на большой рейд и шли один за другим кильватерным строем.

— Павел Максимович, разрешите... — просил Андрейка.

Павел Максимович, казалось, сам был удивлён, что корабли уходят. Но он приказал всем ребятам сесть по местам, а Андрейке сказал:

— Во-первых, Сажин, у тебя нет приказаania явиться на корабль, потом, корабли уже ушли, и пешком ты их не догонишь... Так что самое благодарное — это продолжать занятия. Что у тебя за вопрос?

Конечно, всё, что говорил Павел Максимович, было убедительно, но до андрейкиного сознания не доходило. С трудом отвлёк он глаза от окна и посмотрел на свой билет. Там значилось: «Мадагаскар. Природа, климат, флора и фауна».

— Мадагаскар... Мадагаскар... — повторил Андрейка.

И вдруг, как живого, увидел он старшину Орешкина. И сразу вспомнил: «...плывём мы, значит, по океану. По Северному, заметьте...» Андрейка понимал, что это глупо, но не мог почему-то удержаться и сказал:

— ...Смотрим, тигры по джунглям рыщут, обезьяны с попугаями из-за кокосовых орехов дерутся, и все звери от холода ёжятся...

Ребята захохотали. Но Андрейка как будто и

не слышал смеха. Только голос Марьи Тимофеевны заставил его опнуть:

— Сажин, что с тобой сегодня?

— Одну минуточку, Марья Тимофеевна, — сказал Павел Максимович. — Вызывайте пока второго, а ты, Сажин, походи на место и успокойся.

Андрейка пошёл к своей парте, но по дороге заглянул в окно. На другой стороне улицы, по деревянному тротуару, попрыгивая трубкой и поглядывая на окна школы, ходил старшина Орешкин.

— Сажин, я сказал: сядь на место, — повторил Павел Максимович. — Как ты себя ведёшь сегодня! Стыдись! Ты человек военный и всем пример должен подавать.

Отпустив голову, Андрейка поплёлся к своей парте. «Боевой пост», — пронеслось у него в голове, и он вспомнил командира корабля. «Провалился, не видать мне теперь корабля, — подумал Андрейка. — А всё Орешкин! И сейчас, небось, хочет первым узнать, как я провалился, а потом такую историю сочинить!..»

И как ни старался думать Андрейка о климате Мадагаскара, ничего не получалось. «Теперь уж всё равно! Корабли ушли...» Но тут у Андрейки даже в ушах зазвенело от неожиданной мысли... Не могли корабли уйти! Орешкин-то здесь! Значит... Значит, просто вышли на рейд.

Второй ученик обдумывал вопрос и ещё не отвечал. Андрейка вскочил и поднял руку:

— Марья Тимофеевна! Я всё вспомнил... Разрешите ответить.

— Ну вот, давно бы так! — засмеялся Павел Максимович. — Иди к карте.

Последний экзамен окончился. Уходя из класса, Павел Максимович сказал Андрейке:

— Сажин, зайди сейчас в учительскую.

И опять у Андрейки ёкнуло сердечко: «Не иначе, как будет нагоняй за поведение».

За сегодняшнее поведение его, действительно, немного пожурили, а затем сам директор школы торжественно поздравил Андрейку с переходом в шестой класс и вручил табель.

— А почему сегодня табель? — удивился Андрейка. — Всем сегодня выдают?

— Нет. Только тебе. Вы люди военные, моряки. Нынче здесь, а завтра там... Передай привет товарищу Молодцову...

Старшина Орешкин всё ещё стоял на тротуаре. Андрейка подошёл к окну, и Орешкин увидал его. Старшина торопливо сунул трубку в карман и что-то крикнул. Но Андрейка не расслышал и помотал головой. Тогда Орешкин растопырил пальцы и потряс ею в воздухе. Он спрашивал: получил пятерку? Андрейка вспомнил и Мадагаскар и экзамен и... отрицательно помотал головой. Тогда

старшина, всё ещё улыбаясь, показал четыре пальца. Андрейка опять сказал нет, а когда Орешкин показал три пальца, Андрейка в ответ поднял два.

Орешкин махнул рукой, чтобы Андрейка вышел к нему. Тот пустился со всех ног, но, выходя из дверей, постарался сделать виноватое лицо.

— Командиру не терпелось порадоваться твоим успехам, — сказал Орешкин, — и он дал команду сразу же после экзаменов доставить тебя на корабль. Воображаю, какое у него будет выражение лица, когда он изучит твой табель!..

Но на этот раз Орешкин не выдержал своего язвительного тона. Он вдруг перестал улыбаться и заговорил очень огорчённо:

— Послушай, Андрейка, как тебе не стыдно? Ну с какими глазами ты явись на корабль? Что ты скажешь? Ведь тебя там ждут все, поймаешь, ждут, волнуется. Кок для тебя пирожков напёк, форму тебе новую сшили, ребята уверяли, что ты всё знаешь, что ты выдержишь... Я вот нарочно торчал здесь, как причальная тумба, чтобы ты не волновался, не думал, что корабль совсем уходит... Э, да что с тобой, с деревянным, говорить... Пошли на катер.

— А вещи?

— На корабле уже вещи. Табель у тебя? Сам отдашь его командиру. У меня на это дело руки не поднимутся.

Больше Андрейка не мог выдержать. Он подскочил и повис на шее у Орешкина:

— Нет, нет, неправда! Наврал я... Я думал, что вы только для того и ходили, чтобы злить меня...

Орешкин ничего не понял:

— Постой, постой, что это ты? А ну, говори толком.

Но Андрейка ничего не стал говорить. Он вытащил из-за пазухи завернутую в целлофан зелёную книжечку и протянул её старшине. Орешкин, ещё ничего не понимая, открыл табель, просмотрел последнюю страничку, а потом, не говоря ни слова, дал Андрейке подзатыльник.

Но юнга не обиделся, а, наоборот, звонко рассмеялся.

По всем предметам в табеле были одни пятёрки.

Орешкин спрашивал: получил пятерку?

В ТАЙГЕ

Э. Асадов

Рис. А. Брея

В светлом инее берёзы, —
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжёлый панцирь льда...

Кедры в белых рукавицах
Молчаливы, высоки,
Жадно нюхает лисица
Деревенские дымки...

На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом...

Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест,
Спит в своей дохе медвежьей
Сам «хозяин» здешних мест...

Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,
Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся.

Ближний куст ударил громом.
Оборвав свой быстрый бег,
Белка яркорыжим комом
Полетела в рыхлый снег...

Эхо в троекратной силе
Вёрст на семь пошло вокруг...
Кедры, вздрогнув, уронили
Рукавицы с длинных рук...

Человек скользит на лыжах,
Ручейками след бежит...
В сетке, полной белок рыжих,
Сверху новая лежит.

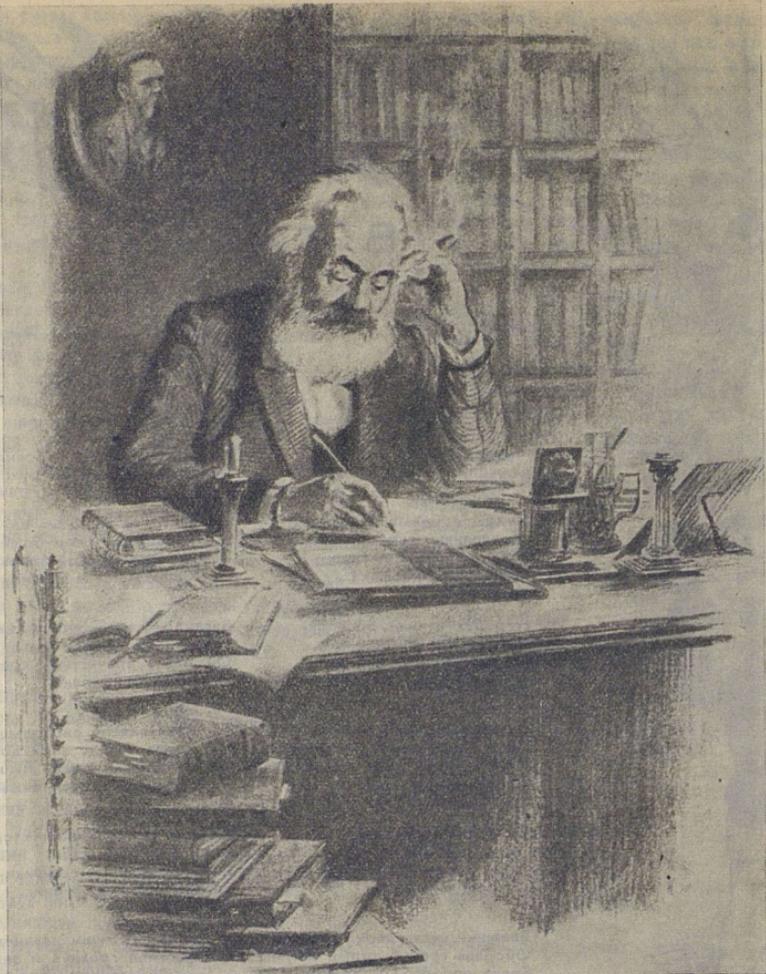
Взгляд у парня острый, цепкий,
Тонок слух, уверен шаг.
Он идёт, плечистый, крепкий, —
Настоящий сибиряк!

Взял задачу он большую:
Зверя бить с зари до тьмы,
Завершить свою пушную
Пятилетку в три зимы!

Сумрак в лес ползёт сторожко...
И на веточках осин
Льда стеклянные серёжки
Загорелись под рубин...

Вновь из гущи дальних елей
Выстрел грохнул и затих...
— Эй, стрелок, хороших целей
И удач в делах твоих!

КАРЛ МАРКС ЗА РАБОТОМ.

Рис. Н. Жукова.

Великая книга

Ел. Подвигина

Во всех наших библиотеках и читальных, на письменном столе учёного и в портфеле студента, на книжной полке в квартире рабочего или колхозника — всюду мы найдём эту маленькую книжечку с силуэтами двух великих людей на переплёте.

Ленин писал о ней: «Эта небольшая книжечка стоит целых томов: духом её живёт и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира».

«Песнь песней марксизма», — назвал эту книгу товарищ Сталин.

По этой книге учились жить и бороться многие поколения революционеров разных стран. По заветам её создателей на одной шестой части земного шара построено первое в мире советское социалистическое государство.

Эта книга — «Манифест Коммунистической партии».

Её написали сто лет назад Карл Маркс и Фридрих Энгельс, великие учителя и вожди рабочего класса.

Всю свою жизнь посвятили они благородной цели — борьбе за освобождение трудящихся из-под гнёта капиталистов.

Маркс и Энгельс горячо любили рабочий класс и безгранично верили в его силы. Они считали, что класс, который составляет огромное большинство человечества, который своим трудом создаёт всё то, без чего вообще немислима жизнь человека, класс, по своему положению самый передовой и революционный, должен стать полновластным хозяином мира и по праву пользоваться плодами своего труда.

Их глубоко волновало положение рабочего класса, которое и в те времена было поистине ужасным. Хозяева фабрик и заводов — капиталисты — жестоко угнетали рабочих, заставляли работать по шестнадцать — восемнадцать часов в сутки, а платили ровно столько, чтобы наёмные рабы могли не умереть с голоду. Но даже и такая тяжёлая работа была доступна не всем. Сотни тысяч безработных голодали, не имея возможности заработать себе даже на кусок хлеба.

Жизнь становилась невыносимой, и рабочие вставали против своих хозяев. Во французском городе Лионе восставшие ткачи подняли знамя борьбы, на котором было написано: «Жить, работать, или умереть, сражаясь». В Англии рабочие устраивали большие демонстрации. Огни восстаний вспыхивали то в одном, то в другом городе Германии. Но правительства, служившие буржуазии, жестоко расправлялись с восставшими рабочими.

До Маркса и Энгельса не было людей, которые научили бы рабочих «науке побеждать». Правда, безмерные страдания трудящихся обращали на себя внимание многих передовых мыслителей. Они сочиняли книги, в которых излагали свои мечты о справедливой жизни. Они даже пытались нарисовать, каким должен быть новый, справедливый общественный порядок. Но мечты эти были бесплодными. Ведь для того чтобы изменить условия жизни трудящихся, нужно было решительно перестроить мир, а для этого надо было знать законы развития общества.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс первыми открыли эти законы. Они доказали, что на смену капиталистическому строю рабства и угнетения

Восстание в Лионе в 1831 году.

должен придти новый общественный строй — коммунизм, при котором не будет угнетённых и угнетателей, при котором каждый сможет свободно трудиться и развивать свои способности.

Маркс и Энгельс назвали своё учение научным коммунизмом, потому что оно было основано на знании законов, по которым развивается общество. Создать такое учение могли только передовые учёные и революционеры.

Множество бессонных ночей провел Маркс и Энгельс, тщательно изучая всю историю человечества, с самых ранних времён. Они познакомились с тем, как живут и трудятся рабочие. Много часов провёл Энгельс в рабочих кварталах Манчестера, где в грязи и нищете ютились семьи грузчиков. Своими глазами видел он их нужду и бедствия.

Внимательно изучали Маркс и Энгельс рабочее движение разных стран, опыт первых революционных боёв. Это был поистине титанический труд. Но, как писал Маркс: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть её сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по её каменистым тропам».

Результатом огромной научной работы, плодом изучения революционного движения рабочих и явилось то учение, которому, по словам Ленина, суждено было овладеть десятками миллионов сердец самого передового класса — пролетариата.

«Манифест Коммунистической партии» — первое систематическое изложение этого учения.

Маркс и Энгельс показали в «Манифесте», что пролетариат — не только страдающий класс, что он самый передовой, самый революционный класс общества, что именно пролетариат призван уничтожить всякую эксплуатацию человека человеком и создать новое, социалистическое общество.

Не всегда на земле существовал капиталистический строй. Но с самых давних времён история общества была историей борьбы между угнетёнными и угнетателями. Во времена рабства это была борьба между свободным и рабом, патрищем и плебеем; при феодализме — между помещиком и крепостным, мастером и подмастерьем. Ещё резче и острее стала эта борьба при капиталистическом строе. Общество раскололось на два враждебных друг другу класса: на буржуазию и пролетариат.

При капитализме власть находится в руках буржуазии. Капиталисты живут в роскоши и богатстве, а создают эти богатства рабочие. Рабочие покоряют природу, строят фабрики и заводы, железные дороги и пароходы, осваивают для земледелия целые части света. Но всем этим владеет небольшая группа людей, присваивающая себе плоды труда миллионов.

Словно ярким лучом, озарили Маркс и Энгельс путь, по которому должен следовать пролетариат для достижения своей великой цели — коммунизма. Это не гладкая дорога, по которой можно

спокойно шагать без тревог и волнений; это путь великих боёв и суровой борьбы.

Буржуазия сама никогда не откажется от своего господства. Необходимо силой отобрать у неё власть, учили рабочих Маркс и Энгельс. Нужно добиться установления власти рабочего класса — диктатуры пролетариата.

Такую попытку установить диктатуру пролетариата совершили героические рабочие Парижа. В марте 1871 года они провозгласили Парижскую коммуну, которая была первым правительством рабочего класса. Но парижский пролетариат был ещё слаб, у него не было своей партии, которая руководила бы его борьбой, и поэтому, просуществовав 72 дня, Коммуна пала под ударами врагов.

Победоносно идут по пути, указанному Марксом и Энгельсом, народы нашей страны. В октябре 1917 года они совершили революцию и создали первое в мире государство, свободное от угнетателей. Это стало возможным потому, что наш рабочий класс имел своего вождя — великую партию большевиков, руководимую Лениным и Сталиным.

Ещё сто лет назад Маркс и Энгельс учили рабочих, что достигнуть победы они смогут, только имея свою партию. Они создали первую в мире коммунистическую организацию — «Союз коммунистов». Программой этого союза и был «Коммунистический манифест».

«Коммунисты... — писали тогда Маркс и Энгельс, — являются самой решительной, всегда

Захват пушек восставшими парижскими рабочими 18 марта 1871 года.

Октябрь, 1917 года. Штурм Зимнего дворца.

побуждающей к движению вперёд частью рабочих партий всех стран...»

В годы, когда писался «Манифест Коммунистической партии», коммунистов было ещё очень немного. Но «призрак коммунизма» не давал капиталистам и помещикам жить спокойно. Коммунистов преследовали за их революционную деятельность, бросали в тюрьмы, ссылали на каторгу. На книги Маркса и Энгельса налагали запрет, издавать их приходилось тайно.

Но правдивые слова, революционный призыв вождей международного пролетариата всё больше и больше овладевали умами и сердцами рабочих всех стран. В царской России «Манифест» переписывался от руки, печатался в замаскированном виде. Сохранилась книга, на обложке которой написано: «Справочная книжка по пчеловодству». А внутри этой безобидной книги вклеены огненные страницы «Манифеста Коммунистической партии». Так удалось уберечь «Манифест» от глаз полиции.

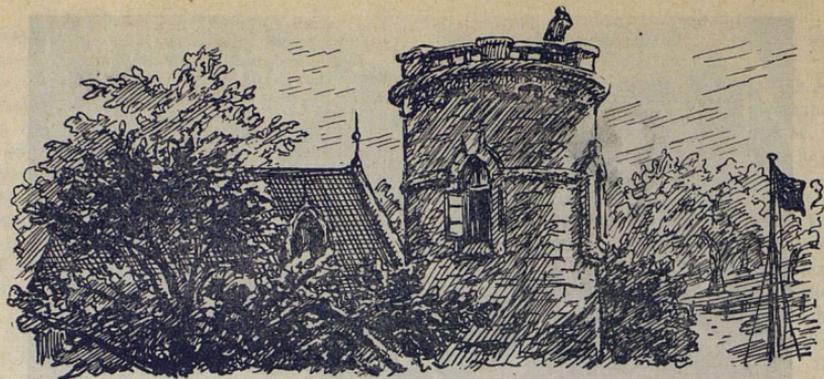
Русские революционеры высоко ценили «Манифест Коммунистической партии». Учение Маркса и Энгельса было для них путеводной звездой в борьбе против царского самодержавия. Россия стала передовым отрядом революционного движения в Европе.

Вожди нашей партии Ленин и Сталин, великие продолжатели дела Маркса и Энгельса, развили дальше марксистское учение, обогатили его новыми идеями.

Прошло сто лет с того времени, как был написан «Манифест». То, к чему стремились Карл Маркс и Фридрих Энгельс, сбылось: их учение воплотили в жизнь трудящиеся нашей Родины. Победы советского государства вдохновляют на борьбу трудящихся всего мира. Несколько сот человек насчитывал созданный Марксом и Энгельсом «Союз коммунистов». Теперь же в рядах коммунистических партий состоят миллионы борцов. Коммунизм в наши дни — это мощная, несокрушимая сила. В Югославии, Болгарии, Польше, Румынии — во всех странах новой демократии — коммунисты ведут народ к светлому будущему.

Враги рабочего класса — империалисты — яростно сопротивляются возросшей силе социализма и демократии. Американские миллионеры и их прислужники стремятся задержать неотвратимую гибель капитализма. Они стараются обезопасить себе мировое господство. Они клеветают на Советский Союз, стремятся разжечь огонь новой войны, затевают поход против коммунизма. Они хотят приостановить рост социализма в странах народной демократии. Но ничто не может спасти капитализм от гибели. «Мы живём в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму», — сказал товарищ Молотов.

Планы империалистов неизбежно рухнут, разбившись о несокрушимую волю миллионов трудящихся, не желающих больше жить по-старому. Перед их глазами великий пример Советского Союза, в их руках мощное оружие — учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

ПРУД СОЛНЦА

А. Некрасов

Рис. В. Цельмера

РАПОРТ ВТОРОГО ОТРЯДА

Старших девочек ждали к обеду. Но прошёл мёртвый час, кончился полдень... Солнце, горячее и ясное, склонилось к горизонту, а второй отряд так и не вернулся. И когда тень от мачты коснулась угла волейбольной площадки, Женя Зыкова, старшая вожатая лагеря, начала беспокоиться.

Она стояла одна на вершине башни, венчавшей старинный, похожий на замок дом. Отсюда, сверху, ей была видна вся лагерная площадка, с севера окаймлённая сверкающей лентой реки, с юга — широким полукольцом леса.

Удивительная тишина стояла над лагерем. Ветра совсем не было. Флаг, заметно выгоревший за первую смену, висел вдоль мачты неподвижными складками. Слово ожидая чего-то, молчал большой дом, молчала река, молчали мощные кроны дубов, и даже птицы в лесу почему-то не пели в этот предвечерний час.

Вдруг дерзкий, волнующий звук нарушил тишину, и по тому, как чисто прозвучал серебряный голос горна, Женя поняла, что сигнал на ужин даёт Слава Заев — лучший музыкант и непревзойдённый горнист лагеря.

И сразу всё изменилось: точно дождавшись наконец разрешения, потянул откуда-то ветерок; флаг расправился, затрепетал, лес вздохнул радостно и свободно; и листья, утомлённые долгим молчанием, быстро-быстро зашептали друг другу свои лесные новости.

И ещё не замолчал сигнал, из плотной стены леса по одиночке, парами, звеньями и целыми отрядами стали выходить на площадку хозяева лагеря.

На фоне жёлтой травы, выжженной солнцем и добросовестно вытопанной сотнями неутомимых ног, замелькали красные галстуки, белые кофточки, бронзовые от загара

плечи, венки из васильков и ромашек, светложёлтые панамки малышей и стриженные под машинку непокрытые буйные головы старших мальчиков.

Весёлый шум, похожий на рокот морского прибоя, поднимался над лагерем.

У выхода из башни поджидал Женю вожатый первого звена первого отряда Владик Кирьев.

— Ж-женя, — начал Владик, и по тому, как он затянул первый слог, Женя поняла, что мальчик взволнован: он всегда немного заикался в таких случаях. — Женя, девочки не пришли?

— Нет, Владик, не пришли ещё, — ответила Женя, — а что, соскучился? — добавила она, стараясь обернуть разговор в шутку.

— Н-не в этом дело... А как же костёр?

— Узнаешь... Ступай ужинать, — немного резко сказала Женя и быстро пошла к штабу: она ещё и сама не знала, как решить вопрос о сегодняшнем костре.

Вопрос был сложный и, как всякий сложный вопрос, имел свою историю.

С первого дня в лагере началось соревнование отрядов. Впереди всех, то обгоняя, то уступая друг другу, шли первый отряд мальчиков и второй отряд девочек.

Мальчики выиграли лагерный кубок по волейболу — девочки прочно держали первенство по лёгкой атлетике. Мальчики выпустили лучшую стенную газету — девочки спелись и создали замечательный хор. В ответ мальчики под управлением Славы Заева устроили такой оркестр из пустых бутылок, что девочкам пришлось признать себя побеждёнными. Зато по стрельбе из лука, как это ни странно, девочки снова оказались впереди.

Тогда Женя и придумала этот костёр, на котором первый и второй отряды должны были вместе показать своё искусство остальным пионерам лагеря.

И те и другие сначала задумались, но Женя твердо настояла на своём. И скоро, забыв бывшие обиды, оба отряда горячо принялись за работу. Деловая дружба пришла на смену начавшейся было вражде.

И вот этот замечательно задуманный и такой нужный костёр срысывается! Девочек нет, а выпускает одних мальчигов — это значит перессорит оба отряда.

«Но где же девочки? Уж не случилось ли с ними что-нибудь?» Отгоняя от себя эту мысль, Женя пришла в штаб, заглянула в лагерный план и неспеша направилась к веранде большого дома, где за семью длинными столами, дружно работая ложками, ребята доедали компот.

— Вниманию! — громко сказала Женя и помолчала, пока не наступила полная тишина. — После ужина отрядам заниматься работой по плану завтрашнего дня. Общелагерный костёр отменяется.

Ропот удивления пробежал над столами и стих. Досуха опростав кружки, зажав в кулачки абрикосовые косточки, разочарованные ребята неспеша поднимались из-за столов. Вечер прошёл не особенно весело.

Вскоре после отбоя окна большого дома погасли одно за другим, и лагерь погрузился в сон. Только в маленьком флигеле, у начальника, горел свет, и сам Геннадий Михайлович ещё долго разбирал какие-то бумажки, щёлкал на счётах, отмахивался от назойливых комаров и о чём-то разговаривал с Женей. Несколько раз Женя выходила из двери флигеля, вслушивалась в тишину ночи, взглядывалась в тёмную даль и возвращалась к столу с каждым разом всё более и более встревоженной.

Далеко за полночь Геннадий Михайлович встал, набросил на плечи старый китель без погон и вместе с Женей минуты две постоял на низком крыльце.

— Нет, не слышно... — сказал он наконец. — Ну что же, они не одни, с вожатой... Если утром не вернутся, будем принимать меры. А пока спать!

А утром, перед самой линейкой, донеслась из леса далёкая-далёкая песня. Она звучала всё яснее и громче, и, по мере того как приближалась песня, возвращался к Женё потерянный было покой.

Колонной по два девочки подошли к линейке. Тут Гога Беленькая, низенькая, очень полная тёмноволосая девочка, которая до того шла рядом с вожатой чуть впереди отряда, повернулась лицом к колонне и, продолжая шагать в ногу со всеми, лихо скомандовала:

— Второй отряд, на месте! Ать-два, ать-два, стой! Вале-во! Шагом марш! Отряд, стой! Фавняши! Смирно!

Так, прямо с похода, с тяжёлыми рюкзаками за плечами девочки заняли своё место на линейке. Вид у них был гордый и независимый.

Рапорт второго отряда ребята слушали с особенным интересом.

Это было не рапорт, а целый рассказ о походе. Но Гога Беленькая — предводитель совета и душа второго отряда — так ловко вставляла в свой рассказ всякие звучные слова, вроде «чрезвычайное происшествие», «на марше», «бивак», «днёвка», что он и в самом

деле был похож на рапорт, и даже Женя, не любившая лишних разговоров на линейке, ничего не могла возразить.

А рассказать девочкам было о чём: они записали рассказ настоящей партизана, собрали богатый гербарий, видели следы лося, нашли залежи гончарной глины, поймали ужа в метр шестнадцать сантиметров длиной и, наконец, заблудились, опоздали и ночевали в колхозе, потому что, как сказала Гога, «не к чести наших мальчигов, путевые планшеты, над которыми «семь мудрецов» пролили столько пота, не имеют ничего общего с действительностью».

Все невольно посмотрели на Владика и увидели, как сильно загар выступил на его лице: большие коричневые веснушки, а потом уши, шея и даже руки залила густая пунцовая краска.

«ХРАМ СЕМИ МУДРЕЦОВ»

«Семь мудрецов» — это прозвище ещё во времена отрядной междоусобицы слетело с острого гоиногу языка и прочно укрепилося за первым звеном первого отряда. Ничего особенно обидного в этом прозвище не содержалось, и, если бы не язвительный тон, которым девочки произносили эти слова, звено могло бы даже гордиться таким названием.

В первом звене действительно числилось семь человек, и, по общему мнению ребят и вожатых, это были самые серьёзные, самые знающие и самые дружные мальчики.

Любое отрядное дело они выполняли добросовестно и аккуратно, и Геннадий Михайлович ещё в самом начале смены объявил звену благодарность за отлично составленные планы лагерных строений и карту территории лагеря.

Эта серьёзная и нужная работа, которую мальчики выполнили с большим знанием дела, с первых же дней сдружила семёрку «мудрецов», и с тех пор они так и остались неразлучным «картографическим звеном». И своей и отрядной работы «картографам» хватало. Они редко сидели сложа руки и в словесной перепалке почти не участвовали. А если говорить о картах, то в чём, в чём, а уж в этом деле у первого звена первого отряда в лагере равных не было!

Тем обиднее прозвучало язвительное заявление Гоги, которая — это знал весь лагерь — всегда говорила только правду.

Конечно, о походе второго отряда было много разговоров. Вспоминают о них не стоит, но один из этих разговоров придётся восстановить от слова до слова. Разговор этот происходил в тот же день в круглой комнате, которую Гога окрестила «храмом науки».

Комната помещалась в башне и имела несколько необычный вид. Четыре стрельчатых окна, выходящие на четыре стороны света, щедро освещали эту просторную комнату со сводчатым потолком и давали возможность её обитателям наблюдать всё, что делалось на реке и на лагерной площадке.

Посредине комнаты стоял самодельный семиугольный стол, сбитый из досок и покрытый сверху листом фанеры. Этот стол сделал правофланговый звена Миша Залетаев, высокий неразговорчивый мальчик, самый прилежный и трудолюбивый пионер первого звена.

Когда мальчики задумали делать свой стол, Миша никак не мог начертить правильный семиугольник, пока ему не помог Слава Заев, — или попросту Зайка, который был не только лучшим музыкантом, но и лучшим математиком в лагере.

Это Слава придумал наклеить посередине стола круглый лист плотной бумаги, разграфлённый причудливыми секторами. В центре круга под углом 55° к горизонту стояла наклонная медная игла, тень от которой в солнечные дни показывала мальчикам точное время. Это Слава тёмными вечерами рассказывал товарищам о сложных законах движения светил, и тогда «храм науки» до самого отбоя превращался в маленькую обсерваторию...

Против каждого из углов стола, словно лучи семиконечной звезды, головами к стене стояли зём аккуратно запрошенных коек. Рядом с койками семь некрашенных табуреток, и у каждой койки, прямо на стене, простая самодельная полка. На полках лежали книги, готвальны, ножи, краски, карандаши, детали каких-то приборов, засушенные жучки, разноцветные камешки и десятки ещё каких-то, вероятно очень нужных вещей, в которых с первого взгляда трудно было разобратся.

Над койками висели объёмистые рюкзаки и семь довольно поношенных кепок, ни одна из которых за всю смену так и не надевалась на голову.

Над подушкой у Гриши Брагина висели ещё автомат-трещотка и настоящий полевой бинокль, который в отличие от кепок очень редко оставался на своём гвозде.

Над славинкой койкой красовался блестящий отрядный горн. У Игоря Кузнецова поверх кепки висели отличные автомобильные очки-консервы, у Тоси Додонова — толевый сачок с длинной рукояткой, у Лёвы Вяжлинского — тренировочные боксёрские перчатки, у Миши — удобный, небольшой, но очень острый топор.

Таким образом, можно было сразу узнать о личных наклонностях каждого из пионеров звена, кроме Владика. У Владика над койкой ничего не висело, но зато рядом с койкой стоял отдельный столик и на нём стопка книг и несколько общих тетрадей.

Непосвящённому зрителю эти книги и тетради ничего не могли рассказать, но весь лагерь и без того знал, что Владик Кириев больше всего на свете любит историю и, в частности, тот её обширный раздел, который называется «история географии».

Больше в комнате ничего не было, если не считать рулона чертёжной бумаги, рулона кальки и нескольких начатых карт, приколотых прямо к столу и накрытых газетами.

Эта комната, которая являлась, конечно, предметом зависти всех остальных звеньев, принадлежала «мудрецам» по праву. В первый же лагерьный день во время съёмки плана большого дома они нашли её, уютную, заваленную разным хламом и обжитую пауками всех пород. Мальчики сразу облюбовали эту комнату и, закончив работу, выпросили у Геннадия Михайловича разрешение поселиться тут, в башне.

Геннадий Михайлович любил предприимчи-

вые ребята. Он не стал возражать. Мальчики сами побелили стены, застеклили окна, мастерили стол, перетащили койки, и первое звено отлично зажило здесь немозжно замкнутой, но деятельной и дружной жизнью.

В эту комнату и торопились «мудрецы» сразу после купанья, чтобы на секретном совещании обсудить создавшееся положение.

СТЕНОГРАММА СЕКРЕТНОГО СОВЕЩАНИЯ

Двери в «храме науки» не было. Попадали туда через люк, устроенный прямо в полу, или тем путём, которым пользовался тосин приятель Петрушка.

Петрушка просто влетал в окно. Но ничего удивительного в этом нет, потому что Петрушка был смешной жирный клёт, который каждый день прилетал сюда за подачкой.

В тот день Петрушка важно прохаживался по столу, ожидая гостеприимных хозяев и в то же время немозно побавляясь их появления. С деловым видом он подошёл к солнечным часам, посмотрел на тень от стрелки и укоризненно покачал головой, всем своим видом намекая на то, что время подавать обед... Вдруг он прислушался, настрожился и, подпрыгнув два раза, вспорхнул на окно.

Внизу, под полом, раздался торопливые шаги, люк приподнялся, и в залитую солнцем комнату, ловко выжавшись на руках, вскочил Лёва Вяжлинский. Следом за ним тем же приёмом, но не так искусно выскочил из люка Тося Додонов. И к тому времени, когда Петрушка, выпорхнувший из окна, облетел кругом башни и вернулся, звено в полном сборе мирно сидело за столом. Только Тося, знакомый с повадками своего друга, с каким-то лакомством в руке поджидал Петрушку у окна.

На этом секретном совещании не звонил колокольчик председателя, не скрипело перо секретаря, и, тем не менее, совещание прошло гладко и вполне успешно.

— Главное — это разведка, — сказал Гриша Брагин, которого в лагере прозвали Майором за его солидную фигуру, рассудительный тон и стратегические способности, не раз выручавшие первый отряд в военных играх. — Нужно толком узнать, где и как они заблудились: — Гриша с особенным ударением повторил: — Где и как? — и, сняв резиновое кольцо с самодельной планшетки, достал и развернул на столе карту района в масштабе 1:25 000. — А за путевые планшетки можно поручиться вот этим, — значительно добавил Гриша, аккуратно разглаживая на столе потрёпанный, видавший виды лист карты.

Это карта была главным сокровищем звена. Над верхней кромкой, посередине листа, стояла жирная надпись: «Генеральный штаб Красной Армии».

Этого было достаточно, чтобы беречь старую карту так, как берегут боевое знамя.

Ниже шла жирная чёрная линия кромки. Ещё ниже, в просторных квадратах градусной сетки, лежали зелёные массивы лесов, голубые жилки рек, ползли куда-то покое на сорококожек железнодорожные насыпи, извивались тонкие червячки грунтовых дорог. Прямая линия шоссе из конца в конец стремительно рассекала карту; крошечные мель-

— Главное — это разведка... — сказал Гриша Брагин.

они махали чёрными крылышками, крошечные плотины подпирали синие кляксы прудов. Коричневые разводы горизонталей причудливыми узорами украшали землю, раскальзывая о холмах и оврагах. А через холмы, через овраги, через леса и реки звонко перекинулись сочные, полззвучные русские имена населённых пунктов: Загорье, Боры, Квашнино, Кистенёво.

Ребята тысячу раз разглядывали свою карту, но и в этот, в тысяча первый раз, они, как зачарованные, склонились над ней и жадными глазами пытались получить, по-яснее разглядеть и леса, и реки, и овраги, о которых так много рассказывал им этот волшебный лист бумаги.

Глаза мальчиков быстро перебежали с выскочки на выскотку, от ёлочка к ёлочке, от болота к болоту. А мысли, опережая глаза, пытались разгадать: за которой из этих выскоток в трудный год сотворения их карты незаметно стягивались бойцы, чтобы разом ударить на врага? На которой из этих ёлочек притаился партизан с автоматом? В каком болоте бессласно закончил поход сделанный из рейнского металла неприятельский танк?..

И с бесконечным уважением под нижней кромок карты они снова прочитали безвестные имена майора Чугунва, капитана Плотникова и красноармейца Орлова, которые создали это маленькое чудо, позволявшее им в любую минуту своими глазами увидеть кусочек родной земли.

Хорошая вещь — карта! Не скучно и час и два промечтать над ней. И мальчики промечтали бы и час и два. Но тут нужно было не мечтать, а действовать.

— Ну вот, — сказал Лёва, — я, конечно, не могу ругаться за точность данных разведки. Девочки проспали целый день, и мне пришлось пользоваться агентурными сведениями

и непроверенными слухами... В общем картина такая: сначала у них всё шло, как часы. Потом там, где, помните, должны быть спуск и брод в овраге, оказался не овраг, а озеро. Переправы нет. Ну Нина и повела их в обход. Забрались в дремучий лес, потеряли ориентиры... Умеючи долго ли! Ну и пошли плутовать... — и Лёва пальцем изобразил на карте примерный путь девочек, закончив его неожиданной спиралью.

— Одно из двух, — сказал Гриша, — или в карте допущена ошибка... или девочки врут. Сомневаться в карте генерального штаба у нас нет ни права, ни оснований. Следовательно, остаётся одно: девочки где-то сбились с пути, сами напутали, а на нас решили свалить ответственность. Ясно?

— Точно, — сказал Миша, который всегда соглашался с Гришей, — ваялат с большой головой на здоровую.

Миша больше ничего не сказал, и, выждав ещё секунду, заговорил Владик Кириев.

— Ребята, — сказал он, стараясь сохранить спокойствие, — я согласен с Гришей: сомневаться в карте генерального штаба у нас нет оснований... Ну, а какие основания у нас есть сомневаться в словах юных ленинцев? Одно дело — шутить, дурачиться, но сказать перед строем, на линейке неправду!.. Нет, ребята! И ты мне, Гриша, не говори, ты неправ! И потом, н-не могли девочки заблудиться с нашим планшетом: уж мы им так всё разжевали, — телёнок, и тот разберётся. Тут, ребята, что-то не то. И, по-моему, тут вот что: карта у нас сорок первого года, а сейчас... Вот нам и нужно по-настоящему, на месте разведать это дело, а тогда и решать... И я предлагаю ребята...

Но что предложил Владик, на этот раз никто не узнал: прозвучал горн, и наступило весьма скучное, но зато и весьма полезное

время лагерного дня. Это время нужно бы называть «живительным часом», или «часом здоровья», а его почему-то все называют «мёртвый час»...

Зайка просвистал тихонько: «Спать, спать, по палаткам!», — и мальчики мигом улеглись на койки...

Когда «мудрецы» поселились в башне, у них с Геннадием Михайловичем был серьёзный разговор о сознательной дисциплине и о поведении.

Ребята дали честное пионерское слово, что там, у себя в комнате, скрытые от внимательных глаз вожатых, они сами будут следить за собой.

Сдержать это слово в общем было нетрудно, и пионерская честь первого звена долго оставалась незапятнанной. Но однажды после обеда Владик рассказывал звену о том, что вычитал он в одной из своих книжек. Это был рассказ про то, как первый русский гидрограф Фёдор Иванович Соёмонв двести с лишним лет назад на своём утлом корабле смело вошёл в чёрную пасть таинственного залива Кара-Богаз-Гол... Владик увлёкся и прозвал горн. Рассказывал он всегда интересно, и «мудрецы» до тех пор слушали о приключениях отважных русских моряков, пока новый сигнал горна не возвестил о конце «мёртвого часа».

Можно было, конечно, попытаться скрыть эту неприятную историю: никто бы не проговорился... Но едва мальчики спустились из башни, Женя посмотрела на них, почему-то отозвала Владика в сторону и тихонько сказала ему только четыре слова:

— Первый и последний раз!

Но и этих четырёх слов было вполне достаточно, чтобы отравить Владика весь день и весь вечер. И к утру он придумал вот что: о чём бы ни говорили, в тот самый момент, когда раздаётся горн на отдых, все дела и все разговоры сразу прекращаются. Честь звена была восстановлена.

Не запятали её и на этот раз. Молчание воцарилось мгновенно, но каждый из мальчиков, лёжа в постели, долго ещё думал о том, что предлагает Владик, и все, в конце концов, пришли к одной мысли: нужно самим пройти по маршруту второго отряда и своими глазами увидеть то, что видели девочки и чего они не видели.

Вот только разрешат ли?

И когда, наконец, прозвучал отбой «мёртвого часа», мальчики вскочили разом и все разом заговорили о походе. В тот же вечер Владик и Гриша отправились к Жене. Женя внимательно выслушала их доводы, задала несколько вопросов и, наконец, обещала подумать и сегодня же поговорить с начальником лагеря.

Неизвестность мучила «мудрецов», и, чтобы скоротать время до отбоя, Владик начал новый рассказ о Каспии.

Должно быть, знал он какой-то секрет: ребята слушали, как зачарованные, и, следя за нитью рассказа, уносились в глубь веков, к берегам далёкого моря...

...Низкие звёзды поднялись над волнами. Войны, закованные в латы, и рабы, закованные в цепи, спустились с диких гор... Узкие корабли отвалили от берега и, взмахнув крыльями вёсел, скрылись за горизонтом...

Трудную задачу задал Александр Македонский своим морякам: вдоль и поперёк пересечь Пруд Солнца, обойти все его берега и привезти правду о море, лежащем среди гор и пустынь.

Гордо плыли корабли Александра, пока не настиг их жестокий каспийский шторм... День и ночь бушевали крутые волны. Потеряв берега, моряки тщетно звали о помощи. Рабы побросали вёсла, воины скинули латы, но спастись удалось немногим. И те, что спаслись, натерпевшись от злого моря, вместо правды привезли страшные сказки, и пошли эти сказки гулять по широкой земле... Дурная слава, как туман, стояла над Каспием, и даже учёные люди писали о том, что у порога неведомых стран лежит страшный Пруд Солнца и живут на его берегах гоги и магоги, народ нечистый, гипербореицы, не знающие раздоров, и гиппоподы, которые спят, закрываясь своими ушами...

Нет, в самом деле, не зря звали этих мальчиков «мудрецами»: для своего возраста знали они порядочно!

ПЕРЕД ПОХОДОМ

В тот же вечер, после отбоя, Женя пришла к Геннадию Михайловичу. Разговор у них был серьёзный и длинный, и закончился он так.

— Ну что ж, — сказал Геннадий Михайлович, — я согласен. Пишите, Женя, приказ.

А утром, ещё до зарики, вожатый первого звена Владик Киряев был вызван в штаб лагеря. Вернулся Владик сияющий. Он ещё не успел ничего сказать, только просунул голову в люк, а ребята уже всё поняли и так дружно крикнули «ура», что Петрушка, который в тот день решил навестить их пораньше, в ужасе отлетел метров на триста.

— Сегодня готовимся, завтра с утра идём, на два дня. К вечерней линейке обязательно быть в лагере. А в пути, как хотим и что хотим!.. — выпалил Владик.

И начался подготовка. Снова на столе появилась знаменитая карта, и снова «мудрецы» склонили над ней головы... Циркуль важно, словно аист, шагал по карте, кюрвиметр, как клоун, на одном колесе катался по кривым лесным тропинкам. Зайка быстро считал что-то в уме и на бумаге...

Наконец решили так: прямо из лагеря — на юг, через лес, по азимуту до Кривого оврага. Там, если есть озеро, обследовать его и нанести на карту, а если нет — пересечь овраг, свернуть к западу и идти обратно лесом, замыкая большой треугольник пути.

У каждого будет свой чистый планшет, и кто бы что ни открыл, он даёт название своему открытию, наносит его координаты на свою карту, делает в альбоме зарисовку и краткую запись — «легенду».

А потом, когда поход закончится, все вместе составят большую, сводную карту и на ней, вдоль пути звена, нарисуют картинки и разместят надписи.

Покончив с маршрутом, собрали рюкзаки. Уже был получен пакет с заданием и сухой паёк. Уже попросились с отрядом и даже заботу о Петрушке поручили второму звену, когда в «храм науки», запыхавшись, прибежал связной из штаба и выпалил:

— Вожатому первого звена Владиду Кирыеву явиться в штаб к старшей вожатой лагеря! Срочно, аллор три креста!

Владик умчался вместе со связным, а четверть часа спустя прибежал назад с двумя серебряными свёртками через плечо.

Ребята мгновенно распотрошили их и, сдвинув койки в одну сторону, раскинули палатки тут же, на полу, в своей комнате.

Нужно ли говорить, что эту ночь спали они на жёстком полу, но зато под тонкими серебрястыми пологами! Нужно ли говорить, что, засыпая, каждый из них подумал: «Молодец, Жень!»

ПО АЗИМУТУ

В тот памятный день мальчики встали очень рано. Они не знали, который час: солнце ещё не взошло, и серый прохладный сумрак висел за окнами. Быстро свернув палатки, они обегали к речке, плотно закрытой туманом, искупались в холодной воде и, повязав галстуки, надели на плечи тяжёлые рюкзаки.

Тихонько, чтобы не разбудить весь лагерь, Гриша, который всегда командовал, когда звено шло строем, поставил мальчиков по росту и уже вскинул голову, чтобы скомандовать «шагом марш». Но в это время открылась дверь и на веранду вышла Женья.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала она.

— Здравствуйте, — нестройным хором ответили мальчики.

— Желаю вам счастливого пути и успеха... Надеюсь на вас, ребята. Верю, что и вдали от лагеря вы не забудете о своём пионерском долге. От всей души хочу, чтоб поход ваш прошёл полезно, весело и интересно. До свиданья, ребята, можно идти.

— Звеню, шагом марш! — командовал Гриша, и «мудрецы» зашагали на юг.

Впереди, сбивая росу, шёл маленький Лёва, — позади, замыкая колонну, вышагивал долговязый Миша Залетаев...

Очень скоро тёмный густой лес расступился, чтобы пропустить мальчиков, и сейчас же замкнулся за ними.

Женья посмотрела вслед и взглянула на часы. До побудки оставалось ещё больше часа.

Ребята шли, изредка взглядывая на компас, всё дальше и дальше уклоняясь от лесной дороги. Нехожеными тропками, по мягкому ковру прошлогодней листвы, влажной от росы, они быстро продвигались вперёд и молчали.

Да и о чём было говорить в лесу в этот утренний час, когда солнце ещё не взошло и птицы ещё не проснулись, когда ночные звери отдыхают после охоты, а дневные ещё не вышли на промысел?..

Чудесная тишина стояла кругом, и только лёгкий хруст шагов нарушал величественное молчание леса.

Но вот осветились вершины высоких дубов, перекликнулись друг с другом какие-то птицы, где-то дятел гулко ударил носом по пустому столу, и ещё где-то высоко-высоко в небе прогудел самолёт.

— Спойём? — сказал Зайка.

— Спойём, — ответили мальчики и дружным хором запели то, что было у каждого на душе: «Широка страна моя родная...»

Так, бодрой песней встретили они этот светлый, радостный день.

То с песней, то молча прошли они километров пять и вышли на берег маленькой, тихой речушки, густо заросшей белыми кувшинками.

Здесь ребята решили устроить привал и завтрак. Они сняли рюкзаки и начали разводить костёр.

Тоса не принимал участия в общем деле.

Вооружившись сачком, он, крадучись, ходил вдоль берега, приглядываясь к жизни маленькой речки... Тут было на что поглядеть: резвые головастики весёлой стайкой носились взад и вперед без всякого дела, как школьники на перемене... Промчались пожоие на лыжников скороходы-водлобы. Жирный плавунец с аппетитом доедал какого-то глупого червячка. Мохнатый жук-серебрянка скатал воздушный шарик и никак не мог утащить его в глубину. Две большие улитки, выставив рожки, неспеша чистили широкий лист кувшинки. Синяя стрекоза, застав на трещащих крыльях, любовалась своим отражением в спокойной, как зеркало, воде.

— Вот это ужак! — крикнул Лёва...

Много интересного можно увидеть летним утром на тихой речке, но, пожалуй, ещё интереснее сидеть у костра и следить, как тонкие язычки огня, почти невидимые в ярком, солнечном свете, жадно облизывают сухие сучья и голубая струйка дыма, причудливо извиваясь, уносится кверху и пропадает в бездонном небе.

Шесть «мудрецов» настолько увлеклись этим интересным занятием, что совершенно забыли о седьмом, и вспомнили лишь тогда, когда гулкий всплеск неожиданно привлёк их внимание.

Разом обернувшись, они увидели Тосю.

Он стоял по пояс в воде и, отгрызаясь, левой рукой сгребал с лица густую зелёную тину, зато в правой его руке, победно поднятой над головой, извивалась блестящая чёрная змея с золотистым брюхом и ярко-жёлтыми пятнами на голове.

— Вот это ужак! — крикнул Лёва, и дружные аплодисменты вознаградили подвиг отважного охотника.

А сам он стоял по колено в густом иле, и, наверное, голодные пиявки уже ползали по его босым ногам. Но шагнуть Тосю не решался. Он боялся упасть и выпустить из рук трофей, добытый такой дорогой ценой.

— Эх ты, укротитель змей! На, держи! — сказал наконец Игорь Кузнецов, протягивая Тосе сачок. — Клади в мешок и закручивай, не уйдёт.

Тося вылез на берег, грязный и мокрый. Белые кувшинки укоризненно качали головками, недовольные таким грубым вторжением в ихнюю жизнь реки.

Но зато все ребята и сам Тося были очень довольны: немало ужей поймали они на своём веку, а такого огромного не только ловить, но и видеть им пока не случалось. Во всяком случае, это было ясно и без обмера: гогин уж в метр шестнадцать сантиметров был жалким червячком по сравнению с этим удавом! И Тося заранее представлял, сколько радости будет в школьном живом уголке, когда его пленник важно вползёт в просторный школьный террариум.

Пока ребята варили кашу и кипятили чай, Тося выполоскал труссы, рубашку и галстук.

Как герой смелой, удачной охоты, Тося пометил на своей карте точные координаты места происшествия, а маленькой заводи, в которой заметил голову плывущего ужа, дал громкое имя: «Бухта натуралиста». Жуже всех во всей этой истории пришлось, конечно, ужу. Его, бедняку, зашили в мешок из-под пшена и, обложив мокрой травой, поместили на дно котелка. Тося уверял, что это лучший способ транспортировки живых ужей. Но оказалось, что это далеко не лучший способ использования посуды: как ни тёрли потом котелок и песком, и травой, и золой, чай всё равно заметно отдавал зоопарком.

«ДОЛИНА СМЕЛОЙ АТАКИ»

Залив костёр и уничтожив следы бивака, «мудрецы» зашагали дальше. Они немного уклонились от избранного маршрута и решили идти долиной реки. Уж больно хорошо было здесь, между лесом и водой! Густая, высокая по колено трава мягко хлестала по ногам. Ягушки, испуганные появлением незнакомцев, грузно плохались в воду; рыхлая пустыляга широкими кругами парила в небе.

А сбиться с пути — этого «мудрецы» не боялись. Карта генерального штаба, как надёжный проводник, предупреждала о каждом изгибе реки, о каждом холме, о каждой впадине, и верный друг путешественника — компас — приврал ровно настолько, насколько положено было ему привирать в этих тихих местах.

Мальчики шли, смеясь и болтая, безжалостно срывали яркие луговые цветы, жевали сладкие головки розовой кашки.

То один забегал вперёд в погоне за махаоном, кружившимся над цветами в своём пёстром наряде, то другой отставал, чтобы посмотреть, как серьёзные жуки-могильщики деловито туетятся вокруг серой тушки дохлого крота, то все разом замирали на месте при виде отважного кузнечика, с громким треском летящего куда-то на жёстких чёрно-красных крыльях...

Гриша, правда, пытался было и здесь построить зveno, но встретил такой дружный отпор, что теперь, как полководец без армии, угрюмо шёл один, то и дело поднося к глазам свои великолепный бинокль.

Вдруг Гриша остановился, постоял секунды две и, одёрнув планшечку, решительно крикнул:

— Зveno, стой! Слушай мою команду...

И столько настоящей командирской твёрдости прозвучало в этих словах, что ребята на этот раз, невольно подчинившись, без споров и возражений встали по росту и подровнялись.

Перед строем звена Гриша огласил боевой приказ:

— В направлении на юго-восток, на расстоянии одного километра обнаружен немецкий танк... Я решил: использовать рельеф местности, рассредоточенными отрядами приблизиться на дистанцию сто метров, окружить противника и по моему сигналу атаковать. Приказываю: вперёд, на врага!

Этот приказ мог бы быть составлен и лучше, но Грише некогда было обдумывать, и повторять приказ не пришлось.

Короткими перебежками, тщательно маскируясь в густой траве, ребята приблизились к танку.

Вон он стоит, рыжий от ржавчины, неуклюжий, беспомощный, но всё ещё немножко страшный...

Ближе, ближе... Вот уже виден жадный кондор, намалёванный краской на башне, смотревшая цель...

Сдерживая дыхание, ребята со всех сторон бесшумно ползли к танку, ожидая приказа.

— За мной! — крикнул наконец Гриша и, поднявшись в рост, с дружным криком «ура!» семь храбрых воинов бросились вперёд и вскочили на броню, тесно окружив башню.

Огромный паук-крестовик, карауливший добычу под пулемётом, от страха сорвался с паутины и насмерть разбился о ржавую броню.

Ребята осматрелись...

Кругом, насколько хватал глаз, волновалась густая трава, шумел редкий лес да сверкала река. Ничто не напоминало здесь о войне, кроме этого дохлого стального чудовища, но и этот мрачный памятник заставил ребят задуматься о недавнем прошлом.

Каждый по-своему, но все с удивительной ясностью, они представили себе бесславный конец этого танка И каждый по-своему, но все они сначала ошиблись...

Даже Гриша, больше других понимавший в военном деле, и тот совершил грубый промах

Мальчики снова осматрели гусеницы и решили, что танк подорвался на mine.

— Ну ясно, — сказал он, — противник отступал вон туда, — и Гриша показал на запад, куда глядел нос танка.

— Точно, — согласился Миша, разглядывая повёрнутую к северу пушку.

— А куда же ему вцепили? — спросил Игорь Кузнецов, внимательно осматривая броню. Ни пробоин, ни следов огня он так нигде и не нашёл. Но зато он обнаружил палец на три приоткрытый бортовой люк. Он, конечно, решительно запустил обе руки в щель и потянул изо всей силы. Но многолетняя ржавчина так прочно прицепилась к шарнирам, что бронзовая дверца даже не дрогнула.

Тогда Игорь заглянул в щель и в полумраке увидел то, что больше всего волновало его в жизни, — мотор.

В это самое время Тося заметил нарядную чёрную бабочку с белой каймой на крыльях. Бабочка безмятежно порхала недалеко от танка, и Тося, не выдержав, пустился в погоню. Взмахнул сачком раз, взмахнул второй и вдруг растянулся во весь рост, больно стукнувшись обо что-то твёрдое.

Бабочку он не поймал, но сделал открытие, которое сразу разрешило много важных вопросов.

В густой траве лежало длинное чудовище с огненнокрасным зубчатым хребтом. Ребята осматрели рыжего «дракона» и, поняв, что это гусеница, снова собрались к танку.

Вот теперь действительно кое-что стало ясно: на полном ходу, потеряв левую гусеницу,

танк с разгона пробежал ещё метров тридцать, закрутился, как раненый зверь, и остановился здесь навсегда. Гусеница лежала к югу от танка. Значит, шёл он на север и, застряв, ещё бил из пушки туда, куда торопился.

И, может быть, другие танки громыхали рядом. А оттуда, с севера, с высоты тоже били пушки, только наши, советские пушки, метким огнём защищавшие этот лес, эту реку, эту густую, сочную траву.

Мальчики снова осматрели гусеницы и решили, что танк подорвался на mine. Но воронки от взрыва сколько ни искали, так и не обнаружили.

И вдруг простая разгадка пришла в голову Владику. Настоящий историк, он не мог отрывать событий от времени. Он вспомнил: немцы под Москвой... 1941 год... декабрь... жестокий мороз... метровая толщина снега...

— Мина лежала в снегу, — сказал он только, но ребята всё поняли...

Все они, и конечно не раз, смотрели в кино картину «Разгром немцев под Москвой». И сейчас, стоя здесь, у разбитого немецкого танка, они своими глазами увидели и по-новому пережили всё, что знали и помнили о великой битве за Москву.

И остыло вдруг горячее солнце, и тёплый ветерок, клонивший душистые травы, обратился в жестокую вьюгу, занёс белым снегом и лес и застывшую реку. И минёры в белых халатах тихо выползли из-за укрытия и отважно сделали своё славное грудное дело. Враг не сделал!

(Окончание в следующем номере)

Повесть о вашем сверстнике

...Положив узелок на колени, мальчик сидит на ступеньках вокзала. Он ехал к дяде и не застал его: дядя на фронте. Мало того: пропал чемодан, а в чемодане были все деньги и документы. И вот ни денег, ни документов, и никого рядом. Родители умерли, старший брат на войне... Ты совсем один, и некуда тебе ехать; никто не ждёт, никому нет до тебя дела. И так пусто, так тоскливо становится мальчугану на шумной привокзальной площади... И вдруг к вокзалу подъезжает автобус, и из-за угла кидается к нему шумная толпа ребят с чемоданами, сундуками, рюкзаками. И одиноко сидевший мальчуган не успевает опомниться, как тоже попадает в автобус вместе с остальными. Он едет на окраину города, где помещается военный завод без имени — только с номером — и начинает работать вместе с другими эвакуированными ребятами, потерявшими родителей в военной грозе.

Так начинается книга писателя И. Ликстанова «Малышок». Отрывки из неё многие из вас читали, наверное, в прошлом году в «Пионере». Вы помните героя книжки Костю Малышева, которого зовут Малышком за его маленький рост? «Какой ты Малышев! Ты Малышок, ростом с вершок, да и то по большим праздникам!» — восклицает Миша Поляничук, паренёк из Харькова, ставший Косте старшим другом и товарищем. Меткое прозвище это накрепко пристало к мальчику, превратилось в имя, и никто уже иначе не называл Костю.

Начинаешь читать эту повесть о мальчугане из далёкого таёжного села Румянцевки, о Малышке, который поступает работать на уральский военный завод, — и с первых же слов, с первых страниц уже нельзя оторваться от неё. С волнением, с интересом, с хорошим, тёплым чувством следишь за тем, как живёт, как работает Малышок. В книге не происходит никаких необычайных событий, а интерес к тому, о чём рассказывает автор, не ослабевает ни на минуту. Почему? Да потому, что рассказывает он

об очень важных для каждого из нас вещах. Каждый из нас почас задумывается о своей жизни, о дружбе, о счастье и к этому счастью стремится. Но что такое счастье?

Вот, например, в голову Малышку приходит мысль: не оставить ли завод, не пойти ли в тайгу — намытть золота, сдать государству: ведь фронту нужен этот драгоценный металл. Его, выросшего в лесу, манит тайга — строгая, тихая, важная, — маяят могучие деревья-великаны, зовут непролазные чащи, и таинственные охотничьи тропы, и звериные следы на снегу. Желание уйти становится сильным, повелительным. Но Миша Поляничук говорит: «Самое дорогое золото — руки», — и понемногу Малышок начинает понимать, что это правда. Да, рабочие руки, если они работают честно, дороже всякого золота.

Малышок впервые становится за станок. Вот чёрная труба — заготовка — одна из тех, что тысячами лежат в штабеле под снегом, а Костя коснулся её резцом — и чёрная, грубая заготовка превращается в блестящую деталь грозного оружия «катюши». Не сталь режет сталь, а он, Малышок, режет её своей волей.

У каждого в жизни есть свои золотые минуты — были они и у Малышка: он чувствовал себя счастливым, когда впервые удалось ему метким выстрелом «сбить белку». В другой раз он нашёл золото-самородок, нашёл, когда другие уже перестали искать в том месте. И когда увидел Малышок, что в руках у него не камешек, а настоящее золото, ему показалось, что нет на свете человека счастливее его. Но оказалось, и это — не самое радостное, что может случиться в жизни. А вот минута у станка оказалась самой прекрасной. «Чего не сделает человек, умеющий резать сталь! Вот горы — он их срывает, вот реки — он их запрудит, вот тайга — он прорубит в ней широкие просеки и построит города, вот немец идёт на его землю войной — он уничтожит фашистов, потому что он хозяин металла, он мастер «катюши!» — так чувствует

Малышок, и мы чувствуем вместе с ним: да, счастье — это не просто личная удача: это — нечто другое, глубже, сильнее.

А жизнь Малышка идёт своим чередом, мы узнаём, что не всё в ней спокойно и гладко. Малышку подчас приходится очень трудно. Он разлучается с Мишей Полянчуком, старшим добрым другом, которого он сразу полюбил. Малышок остаётся один, он не дружит с ребятами, которые работают с ним рядом. Не дружит с Катей, она поглядывает на него свысока, а Костя — гордый человек, он никогда никому не позволял унижать себя. Не дружит и с Севой Булкиным — тот всё зовёт его в тайгу и обижает, что Малышок не хочет уйти. И худо Малышку одному — человеку всегда плохо, когда он одинок, когда не с кем поделиться ни радостью, ни горем. А горе не миновало Малышка. Случилось так, что он сломал станок. Никогда ещё люди не любили машины так горячо, как в те тяжёлые военные годы. Люди знали, что оружие делается на станке. Без станков патронные сумки и снарядные ящики опустеют, самолёт не поднимется в воздух, военный корабль не выйдет из гавани. И люди берегли машины, как зеницу ока, а тех, кто портил их, называли позорным именем — «станколом». Одна из глав книги так и называется: «Станколом». И это Малышок, у которого такие хорошие руки, такая пытливая голова, такой зоркий и внимательный глаз! А вот случилось несчастье: сломал станок. И, читая об этом, вы горюете вместе с Малышком, потому что успели полюбить парнишку, у которого такой упорный, такой прямой и честный характер.

Малышок — сердечной отзывчивости человек, он откликается на всякое горе, люди чувствуют себя с ним легче — и взрослые и ребята. Он помогает им, они — ему, — и Малышок постепенно перестаёт быть одиноким, он находит семью, и семья эта — люди, которые казались прежде чужими и далёкими.

Что ты знаешь о родном крае?

Осенью, когда ребята вернулись после летних походов по родному краю, в ростовской библиотеке имени Величкиной собрался кружок «Друзей книги». Ребята наперебой рассказывали, где кто побывал за лето.

— А всё-таки мы мало знаем своей родной край, — заметила Раиса Ниманчева.

Ребята согласились с ней.

Везде сразу не побываешь, всё не увидишь, а знать хочется многое. Да и в походе бывает так, что пройдёшь мимо и не заметишь самого интересного только потому, что мало знаешь. Ведь недаром каждый настоящий путешественник, прежде чем отправиться в экспедицию, знакомится со всем, что известно о тех местах, куда он едет.

И тут у ребят возникла мысль

снова отправиться в путешествие по родному краю, но на этот раз — по книгам.

Началась подготовка к путешествию.

«Знаешь ли ты своей родной край?» — спрашивал большой плакат у входа в библиотеку. «Будем изучать по книгам Ростовскую область, её прошлое и настоящее, её природные условия. Изу-

Ф. Вигдорова

чѣние советского Дона обогатит нас новыми сведениями о близких, но мало знакомых местах.

«Друзья книги» стали записывать желающих путешествовать.

«Куда ты хочешь ехать? Что изучить?» — на эти вопросы должен был ответить каждый путешественник.

Желания были разные: одни хотели посетить Ростсельмаш, другие — узнать историю древних поселений на Дону, третьи — пройти по следам бѣв за Дон... С помощью библиотекаря «друзья книги» наметили «десять маршрутов»: 1) «История Дона»; 2) «Гражданская война на Дону»; 3) «Советский Дон в годы сталинских пятилеток»; 4) «Советский Дон в годы Отечественной войны 1941—1945 годов»; 5) «Советский Дон в новой сталинской пятилетке»; 6) «Знатные люди советского Дона»; 7) «Писатели на Дону»; 8) «Фольклор Дона»; 9) «Природные богатства области»; 10) «Флора и фауна».

По этим «маршрутам» ребята вместе с библиотекарем подобрали книги, написали рекомендательные списки и картотеку. Книг оказалось довольно много — 120. Здесь были сборники очерков и рассказов, повести и романы, научно-популярные книги.

Каждый из путешественников по своему «маршруту» составил себе план чтения и завѣл дневник «путешествия». Прочитывая по плану очередную книгу, ребята коротко записывали в дневнике её содержание.

Закончив чтение по плану, каждый из ребят выбрал одну или две из прочитанных книг и по ним написал «отчёт путешественника».

Отчёты получились самые разнообразные. Вадим Коначев описал один из районов Ростова. До Октябрьской революции этот район назывался «нахаловка». В маленьких жалких лачугах жила здесь городская беднота, на пустырях и свалках детвора собирала старьѣ. Теперь это один из благоустроенных районов города. Назвали его «Новое поселение». Здесь построены многоэтажные дома, фабрики и заводы.

Вадима Лопатина интересовало, как живут и трудятся советские люди на Дону. Он сделал альбом вырезок из газет, который назвал: «Ростов на Дону сегодня». В альбоме подобраны статьи, заметки и фотографии о заводе Ростсельмаш, о работе фабрик, заводов и шахт, о городах области, о колхозах, станицах и рыбачьих посѣлках, о большом строительстве на Маньиче.

Евгений Усиков написал работу «Животный мир Ростовской области». Он описал и нарисовал птиц, зверей и рыб, обитающих в лесах, степях и водах родного края. К отчёту он приложил карту области.

Валя Мельникова собрала в альбом стихи и песни о Ростове на Дону и по книге А. Тарасова «У лукоморья» написала работу «История Нижнего Дона».

«В водах древних времѣн Дона было очень много рыбы», — пишет Валя. — Камыши Донской дельты служили приютом

массам диких свиней, болотной и водяной птице. Эти богатства привлекали сюда многие кочевые племена... На Дону особенно много было скифских племѣн...»

Валя Мельникова описывает, как в III веке начались нашествия на Дон, как боролись скифские племена с полчищами готов и гуннов, как делали набеги на край турецкие племена и хазары. Наконец, славяне основались на Дону, князь Святослав стал править всем краем...

Закончив описание истории края XIX веком, Валя пишет: «Я так думаю: кто любит свой край, тот должен знать его историю. Теперь я очень хочу осмотреть исторические памятники, побывать на раскопках курганов».

Но вот книги прочитаны, отчёты «путешественников» написаны. В библиотеке идёт подготовка к конференции. Ребята устроили выставку прочитанных книг, альбомов, рисунков, украсили стены зеленью, плакатами и лозунгами.

На конференции собралось все «путешественники», к ним в гости пришли писатели, учителя, краеведы и другие учёные.

Такое путешествие, по примеру ростовских «друзей книги», можете организовать и вы, ребята. Напишите нам, как вы готовитесь к летним походам, какие книги читаете.

А. Елагина

СОДЕРЖАНИЕ

В поход. — Стихи Олега Бедарева . . . . . II п. обл.
Письмо к юным путешественникам. —
Вит. Бианки. Рис. В. Константинова . . . . . 1 стр.
Рассказы юных путешественников . . . . . 6 "
Путь к вершинам. — Заслуженный мастер
спорта Е. Абаляков . . . . . 15 "

Ч. П. — Рассказ Андрея Шманкевича. Рис. И. Цейтлина . . . . . 18 стр.
В тайге. — Стихи Э. Асадова. Рис. А. Брен . . . . . 25 "
Великая книга. — Ел. Подвижна . . . . . 26 "
Пруд солнца. — А. Некрасов. Рис. В. Цеймера . . . . . 30 "
В мире книг . . . . . 38 "
Детские рисунки со Второй Всесоюзной
выставки . . . . . IV п. обл.

На обложке: картина Н. Цейтлина «Юные геологи».

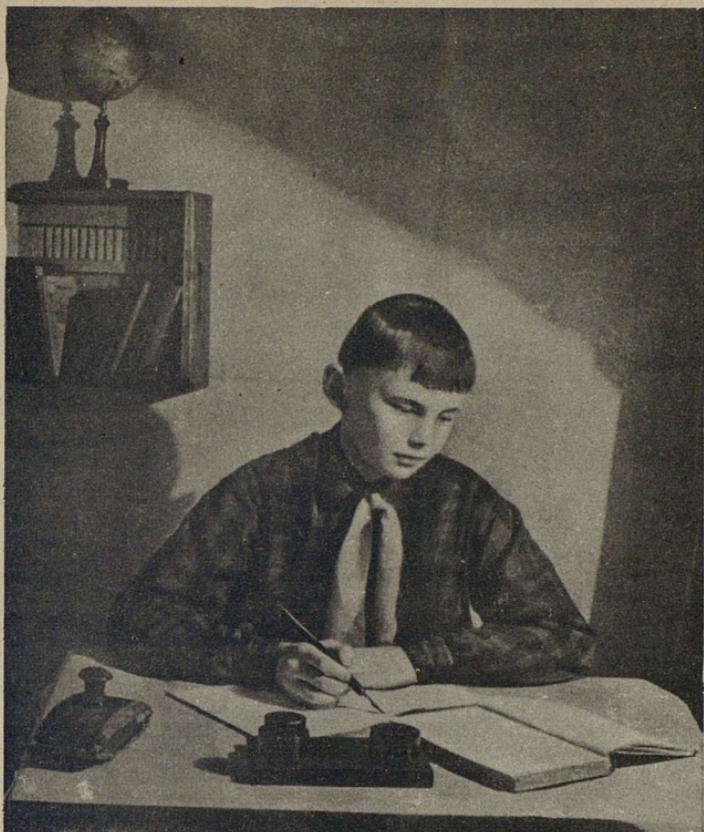
Редакция: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 20/III—48 г. Изд. № 240. 82×110. 1/2 бум. листа.

А 02279. 73 699 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 58 000. Заказ 550.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ПОСМОТРИТЕ на этого мальчика. Он сидит за столом правильно: прямо, не горбясь, не наклоняясь низко к тетради. Помните, что неправильная поза за столом может отразиться на вашем здоровье. У вас может искривиться позвоночник, развиться близорукость, грудная клетка плохо разовьётся, дыхание и кровообращение будут затруднены.

Привыкайте сидеть правильно:

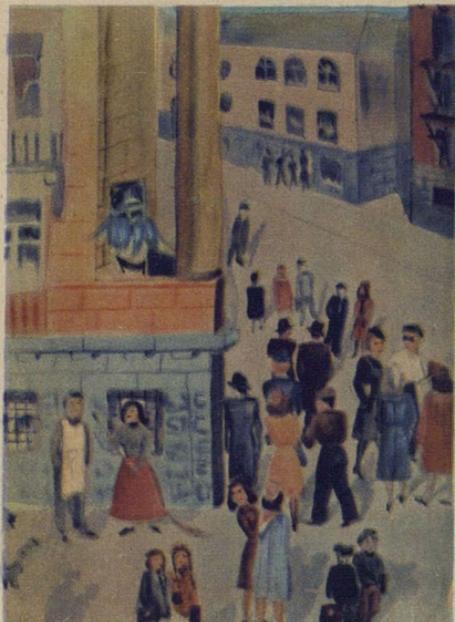
кладите обе руки на стол, ногами опирайтесь в пол или в подножку, не сидите на краю стула, не прижимайтесь грудью к столу, не наклоняйтесь слишком низко, когда пишете и читаете. Расстояние от глаз до книги должно быть 33—35 сантиметров.

Первое время вам придётся следить за собой, но скоро правильная поза станет для вас привычной.

Следите за тем, как вы сидите за столом, и регулярно занимайтесь физкультурой. Это поможет вам улучшить вашу осанку, вырасти стройными, крепкими, здоровыми.

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР*

Вторая Всесоюзная выставка детского рисунка

«УЛИЦА».

Нона Степанян. Бриван.

«БОР ВИНОГРАДА».

Нина Сидорова. Ташкент.

«В ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЛЕРЕЕ».

Ирина Кляубко. Москва.